

Снежная Катерина

НЕЖНАЯ АНЕСТЕЗИЯ

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

«Хирург, который держит
чужие сердца... отдаст ли своё?»

18+

Катерина Снежная

Нежная анестезия

Серия «Шейхи», книга 2

<https://litres.ru/74177189>

SelfPub; 2026

Аннотация

Что выберет женщина, которая каждый день держит в руках чужие сердца? Позволить ли Марсу забрать её собственное?

Вера Баргузинская — гениальный хирург-трансплантолог. Она привыкла к жесткому контролю, холодному расчету и спокойной, размеренной жизни. Когда ей поступает предложение о работе в закрытой элитной клинике, Вера твердо решает отказаться. Она не планирует менять свою судьбу ради чужих амбиций. Но один взгляд на владельца клиники рушит всю её защиту. Коварный, магнетически сексуальный и опасный Марс Блицкриг не привык слышать «нет». Он вовлекает Веру в свою тонкую, обжигающую игру, где на кону стоят не просто медицинские контракты, а непреодолимое, граничащее с безумием притяжение. Ей предстоит сделать самый сложный выбор в жизни. Пойти по пути разума, сохранив привычный брак и покой? Или поддаться всепоглощающей восточной страсти, которая принесет с собой любовь, скандальный развод и полное перерождение?

Содержание

Пролог	4
Глава 1	10
Глава 2	18
Глава 3	26
Глава 4	33
Глава 5	39
Глава 6	46
Глава 7	53
Глава 8	60
Глава 9	66
Глава 10	73
Глава 11	79
Глава 12	87
Глава 13	97
Конец ознакомительного фрагмента.	102

Катерина Снежная

Нежная анестезия

Пролог

Три часа спустя скрипнули тормозные колодки. Машина постепенно сбросила скорость и остановилась. Замолчал двигатель. Слышны лязгающие звуки, хлопки металлическими предметами, поворот запора. Двери в фургон распахнулись, и чьи-то руки потащили меня. Грубо поставили на ослабевшие ноги, с головы сдернули тряпку.

Пришлось жмуриться. Из рта вытащили кляп и предложили бутылку с водой. Я припала к пластиковому горлышку, жадничая большими глотками, таращась по сторонам, лихорадочно считая фигуры. Насчитала шесть человек. Тошнота подкатила к горлу, угрожая выплеснуться наружу выпитым. Взгляд уперся в старинное поместье прошлого века из серого камня, переполз на ухоженный парк.

Вновь надели повязку, снова дезориентируя. Завязали с плотной натяжкой. Я сдавленно заголосила, и кто-то схватился за мой подбородок.

— Прекрати. Или вырублю.

Пришлось удержать вой внутри, и я с трудом стихла. Сердце в груди больно ударилось о ребра. Человек перекинул меня через плечо и понёс. Недолго. Уложил на что-то мягкое, развязал ноги, освободил руки и ушёл. Дрожащей рукой я развязала повязку, оглядываясь. Кровать. Комната. Обстановка далеко не бедная. Совсем не похожа на тюремную. Было ли в этом, после всего произошедшего, что-то хорошее? Вряд ли.

Когда за окном солнце скатилось за горизонт, в дверях угрожающе повернулся ключ. Опасно скрежетнул. Всё это прошедшее время я кружила по комнате, собиралась с духом. Лихорадочно думала, искала выход. Вошёл абсолютно здоровый Мухамед Али. Абсолютно, к моему сожалению. Он остановился у входа, разглядывая меня с особой тщательностью. Он задал для моего дальнейшего существования лишь один важный вопрос.

— Как себя чувствуешь?

Настолько важный, что в груди пронеслась с бешеной дрожью, осела и забулькала волна страха. Я исподтишка бросила взгляд на окна, невольно сглотнула, выпустила из лёгких сипящий воздух. Затем с опаской мазнула взглядом по мужчине, торопливо опустила глаза в пол и через силу подобрела к кровати. Тело реагировало на мысли и действия, скручиваясь судорогой в животе, отдалось между ног болью. Покорно

опустилась на пружинящий матрас.

Мужчина смотрел выжидающе, не двигался, наблюдая, как я неловко прилегла. Он давно привык к вседозволенности, привык обращаться с подобными мне соответствующе. В приглашающем движении я призывно раздвинула бедра в стороны. Он отреагировал на жест усмешкой.

— Надень это.

И мне пришлось встать под его оценивающим взглядом. Пришлось стащить с себя грязную одежду, зная, что в любую секунду я могу быть насильно прижата к кровати. От подобных ожиданий руки нервно дрожали. Али не будет ни добрым, ни ласковым. Нет, он будет безжалостным. Беспощадным!

Красный пеньюар из плотного шёлка нежно лёг на белую кожу. Повис на бретелях опущенных, ссутуленных плеч, отороченным кружевом понизу невесомо и прохладно. Он шагнул за дверь.

— На выход.

У мужчины за спиной в кобуре висел пистолет, и от его вида по моей спине побежал холод. Я не сомневалась: после всего случившегося этому уроду доставит удовольствие изнасиловать меня еще раз и одновременно понуждать сосать дуло оружия. Я видела, как он делал это с моим покойным мужем. Этот псих выстрелит, когда пожелает, и даже не за-

метит, как убил.

Я позволила себе лишь один глубокий вздох и вышла покорно следом. Мы шли по ковровым дорожкам, а я не чувствовала под босыми ногами поверхности. Все вокруг свидетельствовало об огромном состоянии: стены отделаны панелями драгоценных пород камня, позолочены, полки украшал антиквариат.

Мы вошли в комнату, в центре которой стоял огромный стол. На его поверхности на зеленой бархатной подкладке лежал еще один пистолет — черный кольт. А за столом сидел его великий хозяин шейх Файт Ахмет Мактум.

В кресле, развернутом от камина к его столу, я заметила Марса Блицкрига. В деловом костюме и белоснежной рубашке он казался здесь не к месту. При виде меня лицо его приобрело твердое выражение, крылья носа раздулись, интенсивно вдыхая внутрь большее количество воздуха. Он бросил недовольный взгляд на Мухамеда Али, затем напряженно осмотрел меня с головы до ног. Мужской взгляд задерживался только на синяках, в глаза он мне так и не посмотрел. Вместо этого он повернулся к шейху и, равнодушно поднеся бокал с янтарной жидкостью, сделал щедрый глоток.

От этого жеста, от его равнодушия внутри, в самой глуби-

не сущности оборвалось нечто. Надежда на спасение? Ведь я обрадовалась ему, даже воспарила духом.

— Приступим. Раз все в сборе, — произнес шейх.

— Сядь, — приказал Али, указав на диван, стоящий практически у входа.

Я сделала несколько трудных шагов и тяжело осела на край. Почти не замечала, как трясет от нервного ожидания скорого конца. Не заметила, как урод сел рядом, взял ледяную, безвольно висящую руку и горячо сжал в своей, будто захотел согреть. Поднес к противным губам и галантно поцеловал. Видимо, он обозначал свою территорию перед двумя другими мужчинами.

Я посмотрела на Марса. Как он отреагирует на этот поцелуй? На это заявление прав? На все? Неужели проигнорирует, закроет глаза и ничего не сделает? Нет!?

Тот скользнул прищуренным взглядом по Али и отвернулся. Биение измученного сердца ощущалось в теле громкоподобно, казалось, остальные звуки сдавлены. А сама я вырвана и отрезана от всего в мире. И именно тогда, когда я целиком обнажена и разочарована. Нет, не верно. Предана. Он только что предал нас. Предал меня.

— Полагаю, у Веры могут возникнуть вопросы, — произнёс шейх, пристально глядя на нас, особенно на меня, ту, кто несколько месяцев назад спасла ему жизнь. — Она вряд ли способна раскрыть наши тайны.

Я замерла, не в силах сделать вдох. Неужели секреты и всё остальное настолько важны, если я вот-вот умру?

Шейх кивнул и с улыбкой спросил:

— Вопросы?

Преодолев страх перед смертью, я с ненавистью посмотрела на мужчин и медленно произнесла:

— Вопросы? Только один.

Глава 1

Марс не заметил, как на девятый круг его обхаживают три случайные прохожие. Ничего не выделяло его из толпы: ни строгий европейский костюм, ни смартфон в руках, ни зимнее пальто или дорогостоящие ботинки. Нет. Мужчина не растворялся на общем фоне только из-за высокого роста. Женщины пришли сюда, как и все остальные, в магазин или по другим делам, но не его вид заставил их изменить первоначальные планы.

О нет, не внешность притягивала женские взгляды, а напряжение тела. Находясь в равновесии, оно буквально перетекало от заряженной энергичности в концентрированное расслабление мышц, затем в твёрдость и на новый цикл активности.

В движениях Марса читалась налитая сила. Если приглядеться, всё вместе завораживало зрелостью, выдавая в компенсационном напряжении сильную личность.

Так воздействовал хозяин жизни на любую смертную. Что уж говорить о скромных жительницах окраинного района, города, затерянного среди лесов Сибири.

Марс смотрел на место убийства и ждал Мухамеда. Он с радостью оказался бы в другом месте. Не здесь, не в сосновом бору, в странном месте под названием пригородный

Академгородок. Всё это так не походило на мир пустыни его родного дома.

Безлюдность бетонных улиц днём и наполненность людьми вечером делали его удобным для потаённых дел. Это место и район она выбрала специально. Марс был уверен в этом: потерпевшая держала квартиру по соседству на улице Демакова.

То ещё местечко. На самом краю, на конечной автобусной остановке расположился старый универмаг. На первом этаже ютились почта, аптека и крошечное отделение Сбербанка. В подвале работал спа-салон с массажными кабинетами. Место отдалено от центра города максимально. Из свидетелей только местные жители.

Мысли текли у него плавно, не спеша. Подобно круговороту воспоминаний, в центре которого была женщина. Молодой хирург из Улан-Удэ. Зачем ей это потребовалось?

Мухамед Али явился в компании двух сотрудников посольства. Они вышли из полуподвала дешёвого спа-салона. Он внимательно слушал собеседников, без тени улыбки на квадратном лице.

— Это Галиб, — сообщил он, отряхивая с себя пыль с пеплом. — По описаниям персонала, он. И думаю, будет связь с тобой.

— Нужно посмотреть на девушку.

Марс кивнул.

Галиб, внебрачный сын шейха Мактума, скитался по све-

ту, выбирая странные места для жизни. И с Марсом, своим дядей, их связывала давняя вражда.

— Есть видео. Распорядился переслать тебе. По тому, что увидел, — Мухамед достал сотовый. — Он искал её. В надежде убить. Наверное. Но сам находился под чем-то.

Марс нахмурился, у него не было знакомых массажисток. Зачем бы Галибу тащиться в это странное место и пытаться убить кого-то, да ещё в таком состоянии? Может быть, так он сорвался, и почему напал на девушку? Почему выбрал именно её?

— Значит, не секс, — Марс прислушивался к собственным ощущениям.

Мухамед Али кивнул и протянул сотовый, демонстрируя кадр из видео.

— Я не шучу. Смотри.

Он с любопытством наблюдал за реакцией Марса. Остался удовлетворённым, но продолжил молчать, пока они двинулись от старого здания в сторону машин.

— Теперь понимаешь, почему? — Мухамед забрал телефон.

Выражение невозмутимого спокойствия на лице Марса дрогнуло.

— Не припоминаю, чтобы когда-то с ней встречался. И уж тем более, имел, — солгал он.

— Может быть, она похожа на кого-нибудь, и племянничек включил ее в личный топ фантазий?

— Маловероятно, где Бурятия и мы. Что она вообще делала в Новосибирске, раз живет в Улан-Удэ?

Мухамед широко ухмыльнулся и скабрезно посмотрел на Марса.

— А вот тут, мой друг, все интересно. Хозяйка спа-салона, судя по лицу в досье, прошла как минимум две неудачные операции. Если приглядеться, один глаз чуть меньше другого. Ее мимические мышцы не двигались, я уверен. По взаимной договоренности, она прилетала раз в год в Улан-Удэ в гости и проходила курс реабилитации на правах подруги, а девушка к ней.

Марс вздохнул. Каждый в жизни снимает стресс, как умеет. У хирургов всегда много работы.

— По словам свидетелей, она прилетала один или два раза в год. И, похоже, работала на подругу. В то утро, как обычно, вышла на смену. Клиенты, судя по записям, были вписаны плотно, один за другим. Когда их много, чередуют кабинеты. Все, что требуется массажистке, — перейти из одного помещения в другое, вымыть руки и приняться за следующего.

Варварские условия, — Али фыркнул. — За такую оплату? Думаю, ее устраивала анонимность. К тому же хозяйка, зная ее вкусы, подбирала из имеющегося контингента тех, кто мог понравиться.

— То есть она сюда приезжала, — Марс усмехнулся, замечая, как Мухамед ехидно хмыкает.

— Попить чаю с печеньем. Переоделась в подсобке и шла в выкрашенную в розовые оттенки комнату.

— Розовую? Бордель?

— В спа она лишь знакомилась.

Мухамед покачал головой, наблюдая, как Марс открывает досье Веры Баргузинской.

Девушка выглядела обыкновенной. Светлокожая, узкое худое лицо, маленький нос, тонкая шея, кость мелкая. В ней до сих пор чувствовалось нечто такое, чего Марс не испытывал давно. У него возникло мгновенное принятие и следующее за ним сексуальное притяжение.

И, видимо, Галиба всегда привлекло в ней то же самое. Марс буквально пожирал ее взглядом, полностью фиксиру-

ясь на каждой черте, пытаясь отыскать в ней помнившиеся черты. Малышка повзрослела.

— Люди для него пустышки, — заметил Али. — Их связывало что-то, раз Галиб выбрал ее. Выбрал как мишень, как цель для убийства. Не находишь?

— Не стоит завидовать так неприкрыто, Али, — Марс едва сохранил улыбку на губах.

Тот криво оскалился, не у него же племянник сумасшедший. Даром, что обладает неприкосновенностью, для простых смертных оно такое проклятие. Ни в этой стране, ни в какой другой — никто даже пальцем не пошевелит и не тронет сына шейха Мактума.

Каждый сел в свою машину. Мухамед Али отправился в местный орган самоуправления, а Марс — в апартаменты. Ему требовалось изучить материалы. Не так много женщин в жизни заботили его. Впрочем, как и других, ему подобных. Мало, крайне мало отвечало его личным запросам.

Настойчиво мигал индикатор телефонного звонка. Звонил сам шейх. Звонил упорно. Марс думал о девушке.

Если будет давить, реакцию получит типичную. Типичную для таких, как она. К тому же сейчас она не на их тер-

ритории. Стоило поступить не прямо, а изящнее, тоньше.

От размышлений его отвлекали звонки по закрытой линии. Заносчивый скот звонил исключительно под давлением обстоятельств и только тогда, когда не оставалось других вариантов. С представителями своего рода у них традиционно складывались тяжелые отношения. Порой на грани. Марс выждал пять минут, наблюдая, как телефон дрожит в беззвучном режиме, и затем ответил. Его соединили.

— Нужно встретиться, — скрипел на той стороне властный голос, отделенный тысячами километров.

— Не имею ни малейшего желания, — ответил Марс, слыша, как тот сопит, бесспорно его проклиная.

— Ты знаешь наши правила. Я пошел навстречу, отложил наказание. Хочу, чтобы и ты пошел навстречу мне. Эта девушка? Я хочу познакомиться поближе. Очень интересный экземпляр и, думаю, подходит.

— Она в плохом состоянии, — лгать ублюдку было сплошным удовольствием.

— Ты же такой талантливый, привези её ко мне. Или, — в трубке повисла многозначительная угрожающая пауза, за-

ставившая Марса остро напрячься. Убивать арабы умеют не хуже остальных. — Придется сделать всё самому. Это приказ.

Шейх замолчал, держа паузу, пока Марс ядовито-хлещуще кипел от гнева. Никто не смел ему приказывать. Никто. Он обязан ответить «Слушаюсь», обязан блюсти линию подчинения Рода, даже здесь, так далеко от родины, их правила и традиции не закончились.

— Организуй всё по высшему разряду.

Шейх положил трубку. Марс закрипел зубами, сжал кулаки. Как быстро он всё разузнал. Спецслужбы умели добывать и получать информацию, как никто другой. И не только информацию. Но такой прыти от старшего по Роду он не ожидал. Видимо, его впечатлила живучесть девушки. Марс же явственно ощутил, как ему не хватает информации. Как не хочется выполнять приказ.

Он не будет красть и вывозить её из страны. Он больше не будет причинять ей боль. В конце концов, она и так уже натерпелась.

Глава 2

Как только он оказался в номере, то тут же открыл пересланные материалы, разыскивая происшествия в салоне. Он включил видео, рассматривая небольшой массажный кабинет. В центре располагалась кушетка для массажа с застеленной простыней, набором полотенец и одноразовыми безразмерными трусами для клиента. В углах стояли стул для одежды и раковина. Ненавязчиво работал кондиционер.

Галиб лежал на животе, ногами к двери. Марс оценил красивые икры собственного племянника, а также ничем не прикрытую, не считая трусов, упругую, как орех, задницу.

Вошла Вера.

От одного её вида непрошеное желание окатило Марса, пропитав томными импульсами. Он наблюдал, как она переводит заинтересованный взгляд на узкую мужскую талию, по сравнению с которой плечи выглядели широкими. Любуясь, девушка почти с сожалением накрыла полотенцем нижнюю часть мужского тела.

Марс живо представил это её прикосновение. Напряжение отозвалось в теле физически. Сочно. Настолько, что в голове закралась безумная мысль: неплохо бы провести с ней ночь.

Действие в видео продолжилось:

— Добрый день. Я ваш массажист. Скажите, нет ли аллергии на минеральное масло?

Вопрос — формальность, клиенты заполняли договор об оказании услуг, где оговаривался пункт об аллергиях. Людям требуется контакт, сеанс массажа тогда проходит лучше, устанавливается своеобразный момент доверия.

Она взяла бутылку, намереваясь выдавить порцию масла.

— Нет.

Её рука замерла, и она застыла. Пару секунд так и стояла, не шевелясь, явно что-то ощущая.

Что её так напрягло?

Марс присмотрелся к реакциям. На видео чувствовалось, как руки не слушаются её, как девушка пыталась восстановить дыхание, продышать волнение. Может быть, она узнала его? Или нет...

Тонкие пальцы с силой сжали содержимое бутылки, и та чавкнула, попискивая в безмолвии комнаты. Густое прозрачное масло выдавилось на подрагивающую ладонь. Она растерла его, занесла над телом, не решаясь притронуться.

Сердце Марса забилося активнее.

Почему медлит? Племянник лежит перед ней, практически голый. Целиком открыта спина. А она никак не может шевельнуться.

Притронулась...

Сердце Марса забилося как сумасшедшее. Он провёл по нему ладонями.

Марс знал, как горячая эластичная кожа может обжигать раскалённым шёлком женские ладошки, как под ней напряжённые бугры мышц передают будоражающие выплески импульсов через пальцы внутрь тела, до самого сокровенного.

Он видел: сомнение топило её, звучало желанием уйти, отражалось на теле предвкушающей дрожью. Покраснев, Вера запрокинула голову, чтобы прикрыть на секунду глаза и открыть рот. Глубоко и судорожно вдохнула. У неё кружилась голова, и дышать ей было явно нечем.

При виде её такой откровенной реакции по телу Марса разлилось волнение, он забыл о стакане с напитком, поддался телом вперёд, к монитору.

Её руки сами давили на нужные точки, разминали мышцы одну за другой, успокаивали, пока мысли, очевидно, водили хоровод вокруг вопроса: что делать?

Марс видел, чувствуя даже через видео чужие реакции, как её с невероятной силой сносит, трясёт от наэлектризованности. И Марса тоже сносит только от неё, от мягких, эротичных движений, от возбуждения. И неясно, узнала она Галиба или нет.

Тело Галиба расслабилось, напряжённые мышцы оплыли. Он кайфовал от её прикосновений, и Марс почти завидовал.

— Перевернитесь, — попросила она, готовясь к встрече с незнакомцем. Но тут же передумала: нет-нет, не готова, ничуть не готова.

Заметалась взглядом.

Он перевернулся, смотрит ей прямо в глаза, чуть приподнявшись на локтях.

Малышка, кусая нижнюю губу и поджимая губы к зубам, громко сглотнула и не нашла в себе сил перевести взгляд на обнажённую грудь.

Галиб поднял руку и щёлкнул пальцами перед самым лицом красавицы, заставляя её вздрогнуть.

В женском взгляде поплыл секундный туман, оплавливая разум, стягивая пеленой иллюзии.

Что он делает?

Погружает в гипноз?

В сон?

Так вот как он влияет на жертв.

Девушка опустила на мгновение глаза ниже, на раскачённую грудь и мужские соски, пресс кубиками, полотенце и мощный, торчащий шлагбаум под ним. Перевела молящий взгляд на Галиба.

Марс мог поклясться: мысленно она уже ощущает, как он берет ее тело в плен, из которого нет выхода. Чьи-то руки обнимут, распаляя. Губы приласкают настойчиво, знойно прижмутся, шепча непристойности: горячо, тянуще, долго, с жаром сладострастия, на какое способна фантазия бессознательного. Галиб всегда обволакивает тело жертвы вакхической натугой. Очень глубоко. Неистово. Он не дает им ни отдыха, ни выхода жгучей охоте. Дразнит, выжигает изнутри душу. Борьба с сексуальным голодом от сочившихся жела-

ний не принесет умиротворения, пока не уничтожит жертву.

Страстный, жадный, голодный взгляд араба пробивал растерянность Веры. Невыносимо горячо жжет душу, побеждал и взял верх.

Блондинка шумно вдохнула и выдохнула. Ей дышалось настолько тяжело, что она снова сглотнула, приоткрыла рот, чувствуя, как тело горит. Не находилось сил поднять руки вверх и прикоснуться к нему вновь, пока он ждал. Тревога разливалась на ее лице орущей сиреной и тут же глушилась туманным разумом. Галиб придавливал малышку своей волей сверху.

— Иди ко мне, — голос тихий, с нотками внушения.

Девушка взволнованно-эмоционально рассматривает мужское тело, и кажется, от желания у нее подкашиваются ноги.

Ей нужно очнуться, ведь не бывает так. Не бывает. Происходит нечто запредельное. Она качнулась, пьяная от волнения, смешанного с похотью.

От ее вида Марса скрутило от возбуждения. Тело прошел безумный, импульсивный по своей природной стихии прекрасный спазм. Кажется, он последний раз подобное испытывал подростком, когда не умел контролировать возбуждение и стояк. Он точно раздвоился на взрослого хладнокровного, контролирующего каждую реакцию, и того подростка, что обнаружил, как горячая плоть живет по своим законам. Неконтролирующий себя — позор для Рода. Он сжал зубы,

подумав, не мешает ли снять напряжение после просмотра.

Девушка на видео пошатнулась и сделала полшага назад от кушетки. Осторожно, еще полшага назад. Галиб сверкнул глазами, а она затравленно перевела взгляд в сторону двери.

Марс зауважал ее, забыл на секунду о собственном наваждении.

— Хочешь? — красноречиво перевел взгляд на полотенце.

— Это не... нельзя, — она артачится, отступает. Готова кинуться к двери, хоть и понимает, какой силы невероятный соблазн тащит ее против воли обратно. Ну, вот же он, объект мучений. Он прав. Нравилось. Он понравился. Слабо сказано. Девчонку затрясло от желания отбросить все и резво оседлать. Он совсем и однозначно «за».

Лицо Галиба на секунду приобрело жесткость, становясь все более недовольным.

— Может, сделаешь то, что хочешь?

Его жаркий вид говорил, что он совершенно не слеп. Все прекрасно понимает, видит, чувствует.

Она отступила на шаг. Адреналин в ее крови тяжело мешался с дурманящим желанием под гипнозом. Да, Галиб умеет гипнотизировать людей, и ему невероятно сложно отказать.

— Хочу тебя, — тон повелительный, жаждущий.

Она бросает еще один спасительный взгляд в сторону близкой двери, обратно на него, на мужской живот с узкой

растущей от паха черной порослью волос. На полотенце. На самой верхней точке от смазки образовалось мокрое пятнышко.

— Подойди, — покачал головой, чуть прикрыв глаза. — Я искал тебя.

Ей осталось с разбегу прыгнуть на манящее подрагивающее предложение.

Не слушающимися пальцами, в последнем усилии воли, девушка нажала кнопку на двери для вызова администратора. Почти незримо двинулась в сторону. Она не в силах больше бороться с собой.

— Иди ко мне.

— Ох, ай-я-яй, здесь не эротический салон, молодой человек, — владелица спа-салона не просто охаживала клиента недовольным взглядом, а буквально насаживалась на него. — Иди, я сама разберусь. Вы у нас тут впервые, верно?

Сказать, что девушка выскочила вон, ничего не сказать. Вывалилась кулём. Неужели она чуть не шагнула? Ну а если бы шагнула, что с того?

Он смотрел, как Галиб обнимает новую жертву. Впервые подумал, что, возможно, племянник не заметил подмены одной дамы на другую. На видео раздались характерные ритмичные шлепки и женские призывные стоны, заставившие его завистливо сглотнуть. Марс выдохнул, ощутив с новой силой зов плоти. Он бы тоже сейчас вонзился в Веру. Очень хотелось слышать ее сладостные крики, увидеть, как она кон-

чает для него.

За криками и эротическими бляениями на видео произошла перемена. Галиб задушил свою жертву. Он стонал, кончая, затем взорвался, расплескался и забрызгал помещение, потек по розовым стенам белыми разводами. А на кушетке осталась лежать голая хозяйка спа-салона.

Видео закончилось.

Марс сидел перед экраном ноутбука и не двигался. Он был потрясен до глубины души увиденным, собственными реакциями и силой воли жертвы. Редкий случай сопротивления, еще более редкое видео с Галибом. А его реакция на нее, на не случайного человека? Какая разница, если ясно, что Вера будет принесена в жертву? Галиб вновь будет ее искать, раз уже его вклинило. И ему сойдет это с рук, так решил шейх.

Приказ некому отменить.

Глава 3

«Свидетель убийства» — моё новое амплуа, которое вызывает во мне трепет. Как бы я хотела, чтобы его никогда не было. Но хуже всего то, что я узнала убийцу. Когда я честно рассказала об этом офицеру полиции, составляющему протокол, он всё записал и сказал, что проверят видеокамеры (ведь убийца скрылся), а меня отпаивали чаем девчонки в подсобке.

А потом началась полная неразбериха.

«Подпишите здесь, подпишите там».

Я подписывала документы пачками: о неразглашении, разрешении на обработку данных, анализы, интервью, допрос, опрос различных служб, соблюдение секретности, страховку и прочее. Мне обещали возможность вернуться домой, но в течение десяти дней не разрешали покинуть Новосибирск. Полицейские и участковый улыбались, но упорно молчали. Никто ничего не объяснял.

Я устала ждать и бояться. В конце концов сообщили, что убийца пойман, и я могу поехать домой. Вся остальная информация, как объяснили в полиции, приравнена к государственной тайне.

Возвращаясь через Иркутск, я мысленно благодарила силы небесные за то, что все обошлось. Андрей встречал с цве-

тами — жест внимательности, приятный и ничего не значащий.

Его синяя Тойота шла по вечерней автостраде Байкала, плавно огибая озеро с левой стороны, когда я, измученная длительной поездкой, устало положила голову на спинку кресла и вяло посмотрела на мужа. Круглый год он носил рубашки-поло. Те удачно подчеркивали накаченные бицепсы. Андрей был, как всегда, хорош. Жаль только, любил он не меня.

Тяжело вздохнула:

— Знала бы, никогда бы не поехала.

— Всё закончилось, малая, расслабься.

Я снова вздохнула, посмотрев на мужа. Казалось, он не замечал моих отлучек два раза в год. Не хотел замечать. Скорее, второе. Он радовался, что я перестала без конца соблазнять его в попытке сохранить брак, насолить сопернице или добиться чего-то ещё.

— Мои поездки радуют тебя?

Андрей улыбнулся, не сводя глаз с дороги, оторвал одну руку от руля и почесал окладистую бороду. Та походила на бороду лесоруба или охотника.

— Ты полагаешь, это важно?

Его рука с бороды опустилась мне на колено. На фоне моей ножки в теплом чулке в сапожке она казалась огромной лапищей. Помедлила, а затем поползла глубже под ткань, по бедру, под толстый край разреза шерстяной юбки.

Я тут же почувствовала прилив волнующих ощущений, бросила красноречивый взгляд, пытаясь вспомнить, когда между нами была близость. Или приятная ласка, такая как сейчас. Поддаваясь навстречу, загораясь от томящих прикосновений.

Его рука помедлила, двинулась дальше, ощупывая застёжки на чулках и тонкую шелковую ленту, крепящуюся на пояске. Сильные пальцы исследовали аккуратно, трогали с апетитом.

— Ты меня удивишь? — несдержанные пальцы нашли преграду.

Из тончайшей тесьмы.

Андрей не сомневался: в глубине, где самое интересное, есть всегда сюрпризы.

И качество, и выбор заставляли думать его об этом даже, когда меня не было рядом. А это и бесило, и заводило его одновременно. Могли же оказаться нескромные стринги, если в природе бывают скромными. Или трусики с прорезью, с бижутерией, с ниткой жемчуга, или нечто экстравагантное, например, с какой-нибудь игрушкой внутрь. От мыслей о моих трусиках ему всегда становилось жарко.

— Бантики?

Я вспыхнула.

— Приятно думать, что ты гадаешь. И хочешь меня больше, чем её.

Мужские пальцы, поглаживающие преграду, замедли-

лись, затем остановились. Андрей вернул руку резко на руль, вызвав у меня в ответ вздох разочарования. Я придиричиво поправила юбку и, обидевшись, отвернулась.

— Какой послушный характер, — не удержалась. — Думаю, она ревнует каждый божий день!

- Не вмешивай Полину. Когда он познакомился с Полиной Курумканской, недалекой шатенкой, получающей один за другим неуды по заданиям на семинарах и контрольным, он влюбился. Она была дочерью богача, главного хирурга города. Как нормальный парень, он понимал, ему предложить нечего. Совсем. Разве кроме помощи с уроками и себя. Полина знала толк в тряпках и развлечениях, но не в биологии и анатомии. Она без радости приняла ухаживания, считая, что, по крайней мере, у парня хорошие внешние данные. Мало-помалу привыкла к присутствию верного рыцаря, спасающего ее зачетку и готового сокрушить любого обидчика на пути.

Подруга... В отличие от доступной Полины, я не была замечена кем-то. Всегда была подружкой Галиба, потом бывшей подружкой... Я рассерженно повернулась к мужу.

- Если так, давай остановимся. И ты продолжишь исследование. Тебе же хочется выяснить, что еще на мне? В чем я именно?

- Не начинай, не стоит заводитьсь. Это вовсе не отказ. И не наказание, как ты думаешь.

- Останови машину, черт возьми, - я гневно сверкнула глазами, повернулась к мужу. На кого сердилась, сама не знаю. На него, на себя, на Полину? А может быть, на тех, кто бросил меня?

Он послушно остановился у ближайшего кармана на дороге. Я вышла. Бухнула дверцей от души. Под ледяным вихрем собрала руки на груди, чтобы не замерзнуть. Мне требовалось остыть. Требовалось собраться с мыслями. Я оперлась о теплый капот и несколько минут молчала. Смотрела вдаль, охлаждаясь от затмившего на миг сознание ничем несдержанного желания. В этой чертовой тесной машине хотелось заняться прямыми супружескими обязанностями. В конце концов, мы еще женаты.

Наша бурная молодость и ее ошибки... На последнем курсе университета Андрей и Полина поссорились. И тут Андрей сделал предложение мне, чтобы позлить её. Я такого не ожидала. Андрей встал на колено перед всеми и протянул коробку с кольцом.

- Выходи за меня, - сказал он, смущаясь своей смелости.

Я злилась на бывшего парня, на его дядю, на себя, и поэтому кивнула. Следующие три месяца мы готовились к свадьбе. Родители радовались, а Полина плакала. Андрей и сам не понимал, зачем сделал предложение. Я тоже не понимала, зачем согласилась. Через несколько месяцев после свадьбы он понял, как мы сгупили.

Прошло еще четыре года, прежде чем Андрей смог пого-

ворить с ней. Она уже была замужем. Наверное, развод заставил её забыть обиды и понять, что она всё ещё любит Андрея. Так начался тайный роман его и Полины. Они встречались в VIP-палате, на работе. Пока отец Полины их не застукал. Решили не спешить. Прошло несколько лет, и Полина не торопилась выходить замуж. Жизнь шла своим чередом. Казалось, всё хорошо. Но это была только видимая часть проблем. Видимая часть айсберга под названием «У нас все прекрасно».

Андрей проигнорировал звонок и вышел следом. Он примирительно посмотрел на меня. Встал рядом, тоже оперся на капот.

- Прости. Не удержался. Знаешь же, насколько ты соблазнительна, - произнес он, разглядывая юбку, теплый меховой жакет и сапожки с чулками.

- Если у вас настолько всё хорошо, почему не хочешь? – я имела в виду его, любовницу и развод.

Тот помолчал, затем устало вздохнул.

- Пойдут слухи. На работе встанет вопрос. Знаешь Курумканского... он и так Польку ни во что не ставит. Загрызет.

- Разнесет на тебе бубен, - согласилась я, давая понять, что остыла.

- Твой отец весьма натренировал меня. Переживу. Выйдет на пенсию, тогда разведемся. А пока терпи, малая.

Я горько рассмеялась, с непониманием посмотрела на мужа.

- Карьера, прежде всего?

Он улыбнулся.

- Какой цинизм, ай-яй-яй, малая. Не нарывайся, я и так умираю от желания взять тебя.

Он кивнул многозначительно на горячий капот.

Глава 4

Я с горечью усмехнулась и всё же не удержалась, прильнула к спортивной фигуре мужа, погладив его накачанный торс, легко угадывая, как под тканью рубашки-поло напрягаются, трепещут мышцы от пикантных прикосновений и как он загорается от желания.

— В следующий раз думай, что делаешь. Ты же знаешь, как важно твоё внимание. Твои реакции, вот здесь.

— Вера...

— И здесь.

— Вера!

— Как сильно...

Рука опустилась ниже пояса и, скользя по воздуху, ничего не задела.

— Пойдём в машину, пока не остыли, — предложил он, беря меня за тонкую талию, едва удерживаясь от значительных прикосновений. Открыл второй рукой дверь в салон машины. — Темнеет. Ты устала. Это всегда сказывается.

Пришлось позволить посадить себя в салон машины, где работала на полную мощность печь. Андрей прав. Путешествия тревожили и ворошили глубокое чувство вины. Меня сжигал стыд перед отцом, перед великим человеком. Каждый раз я приходила в себя по несколько дней, пока хлопоты

и будни с заботами не поглощали стыд в водовороте дел.

Андрей, кажется, понимал, потому что те несколько неконтролируемых раз в год, что случались между нами, он считал изменой. Сексапильность жены выносила мозг, а доступность искушала душу. Он хотел меня. Всегда хотел. И в то же время хранил верность перед любовницей. Пытался.

— Только не дразни Полину. Она последнее время раздражительна. Словно у неё месячные, которые не заканчиваются.

— Проверь на гормоны, — предложила я буднично, согреваясь и настраиваясь на оставшуюся часть дороги до Улан-Удэ в безмолвии. Лучше, чем распалять его и себя, в конце концов, он откажется, а я в одиночестве пойду домой. — Вдруг она беременна?

Последние слова дались нелегко, но я выговорила их вслух. Как произносят то, чего боятся, то, что страшно признать, но не спросить и не знать ещё хуже.

— Дело не в этом, — произнёс он после некоторой мучительной паузы. — У неё кто-то есть. Кроме меня. Сказала, что больше не любит.

От этой новости я открыла рот. Не знаю, как реагировать, радоваться или грустить. Хотя наш брак существовал всегда лишь на бумаге, мы сохраняли дружеские отношения. Ничего сказать в ответ не успела.

Бентли, идущий впереди, по дуге ушел в резкий вираж. Он пытался отойти, уклониться от летевшей навстречу ско-

рой помощи.

Наша Тойота осторожно отскочила в сторону от своего вектора движения.

Раздался режущий уши визг. Две машины, скорая и бентли, развернуло, как танцоров в танго. Донёсся звук удара с лязгом. Капот скорой смялся в лепёшку со стороны водителя.

Мой взгляд метнулся к пассажирам.

В другом салоне виднелись двое. Кажется, пристёгнутые.

Первое, что отметились, — как пассажир в бентли активно трясёт девушку. Внутри салона сидели седовласый, импозантный араб, из последних сил борющийся за ускользающий тестостерон, и молодая, точно лебедь, девушка. Лет двадцать, не меньше.

Мгновение с восхищением и в шоке я разглядывала её рыжий волос, молочно-белую кожу, контрастировавшую с красным вечерним платьем. Девушка дёрнулась, села прямо, словно кто вогнал в неё кол.

Андрей дал по тормозам, остановил машину, набирая свободной рукой сто двенадцать. А я отстёгивалась и лихорадочно вглядывалась в обе машины. Стремительно выбралась на улицу.

На хорошо освещённой дороге валялись осколки стекла, чувствовалась вонь от дымящей резины. В нос били запахи металла и бензина. Они не заглушали запах человеческой крови.

- Кровь.

- Держи себя в руках.

Интенсивный аромат разносится на километры вокруг, я прижала руку к носу.

- У вас все в порядке? – крикнул водителю Андрей, реагирующий спокойнее, чем я.

Холодный ветер вывел из ступора. Послышался скрип, из салона скорой помощи выполз водитель. Я бросилась к нему, отворила дверь, мечась взглядом в поисках нужной сумки. "Кардиология", "Акушерство", "Реанимация".

За эти секунды девушка и мужчина из второй машины выбрались наружу.

Мужчина рухнул на открытую дверь машины, и я побежала к нему, подхватив, чтобы помочь не упасть. Я отметила на ходу, что у него сильное головокружение, пот, боль и спазмы тошноты. Обильно выталкивалась кровь изо рта. Густой струей текла по подбородку, капая на асфальт. На шее у него виднелись кровоподтеки от ремней безопасности.

- Я врач, не двигайтесь, - велела я громко, проверяя его зрачки, пульс, осматривая тело, пока тот оседал на землю.

- Внутреннее кровотечение. Помогите уложить, - с помощью водителя скорой мы подвинули его ровно. – Нужен холод. Принесите снега.

Водитель, словно робот, собрал часть сугроба и вывалил возле нас, у ног. Снег рассыпался белыми комьями на черном покрытии.

Я сгребла его, не обращая внимания на то, как снежная масса обжигает ладони, и выложила на живот потерпевшему, на ходу проверяя, вся ли одежда на пострадавшем свободна, нет ли где пережатия.

Лежащий смотрел серьезно, без малейших признаков паники. Его взгляд в эти растянутые минуты успокаивал.

Его компаньонка пнула колесо. Огляделась. Заметила возле своего спутника меня и, налетев неожиданно резво, со всего маху врезала кулаком мне по лицу.

Голова мотнулась от удара. Боль оглушила, разошлась по мне в зубы и челюсти.

- Куда лезешь?! Оставь его в покое, сука!

Я не успела сориентироваться, как получила от рыжей еще пару ударов меньшей силы.

- Я сама все сделаю! Я буду с ним!

Подоспел Андрей. Он скрутил беснующуюся. Та вырывалась, изрыгая маты, извивалась, пыталась лягнуть его в пах.

- Эй, ты под наркотой, что ли? Ну, тише!

- Я люблю его. Люблю! А тебя ненавижу. Всех вас ненавижу. Всех сраных баб не-на-ви-жу.

Они боролись пару секунд. Затем девица вдруг дернулась и обмякла. Казалось, она вырубилась. На ее лице кожа приобрела фиолетовые оттенки, принялась зеленеть под светом желтых фонарей автострады.

- Лежите, - велела я, понимая, что на скуле завтра будет синяк.

Люди ведут себя агрессивно по разным причинам, но в данном случае все выглядело неправдоподобно киношным. Я помогла ее партнеру принять безопасное положение. Что же здесь не так?

Подошла к ним, посмотрела на Андрея и проверила пульс у девушки, сердцебиение. У нее на теле виднелись гематомы и рубцы. Андрей отпустил на секунду, и она повалилась мешком на тонкий слой льда у края дороги. Он потряс ее.

- Вставай.

- Она мертва, - я спокойно наблюдала, как труп из фиолетового становится красным. – Надеюсь, бригада приедет вовремя. Нам вдвоем их не транспортировать. Замечательное окончание поездки, не находишь?

Андрей, убедившись, что я права, устало кивнул.

- Пойду привезу каталку, - сообщил он, направившись к водителю скорой.

Я же подошла к лежащему мужчине, проверяя его состояние еще раз. Араб выглядел так, как будто временно стабилизировался, и это само по себе было неплохо.

- Как ваше имя? - поинтересовалась я на английском, ведь девушка кричала именно на нем.

Улыбнувшись, мужчина протянул ослабевшую руку, прикоснулся ко мне.

- Шейх Файт Ахмет Мактум.

Глава 5

На следующее утро мы собирались на работу второпях. Планёрка была на десять.

— Хочешь, чтобы Курумканский относился сносно, не опаздывай, — ворчала я, распахивая Андрея в бока.

— Главное, чтобы ты надеть ничего не забыла, малая, — отшучивался он, зная, как я ненавижу опаздывать.

В ординаторской Курумканский щурился, только что руки не тёр.

— Семья превыше всего, Вера Доржовна? Семейные обязанности никто не отменял.

По помещению прокатились смешки, пока мы усаживались на пустующие места. Полина покраснела.

Я же попыталась сосредоточиться, неосознанно растирая кровоподтёк от нанесённых вчерашних ударов. Моя тонкая кожа хранила любые следы, даже от негрубого воздействия. Челюсть побаливала, но синяк благодаря мази пожелтел.

Умел Курумканский подколоть.

— Что ж, продолжим. Наш вчерашний клиент. Требуется пересадка. Что там по анализам?

— Пока не подойдёт очередь в листе ожидания, хроническая почечная недостаточность и гемодиализ.

— Что ж, реципиент у нас фигура большая, — произнёс

он задумчиво. — И меня не захотел. Страшно подумать, все подписали бумаги о неразглашении?

Раздались смешки, но народ закивал.

— Оно и не мудрено. Я его тоже не хочу. Как говорится, мужская особь о мужскую, сколько ни трись, толку не будет. Кто сможет доказать обратное, приходите вечером после пяти на сеновал. Обсудим премию ЮНЕСКО.

Трудно представить Батыра Хазановича, ростом в два метра, с типичными чертами бурята, по совместительству являющегося шаманом в Ольхонском районе, занимающимся чем-то непристойным. Скорее будет борьба или игра на топ-шууре.

— Кто был на вчерашнем фестивале, не рассказывайте мне. Ни-че-го. Боюсь, бубен не выдержит. Игорь Петрович, что по девушке?

Патологоанатом скривился.

— Умерла.

— Да вы что? Ай-яй-яй. Хотелось бы узнать, от чьих страстных объятий девица скончалась? В жизни не доверю в руки такому своих дочерей!

Он выразительно посмотрел на Андрея, а затем ехидно улыбнулся Полине. Те не смотрели друг на друга демонстративно.

— Ничьих. Судмедэксперт написал в отчёте, при торможении пострадавшая напряглась, выкручивая руль, из-за чего перекрутила позвоночник. В момент удара получила трав-

му. Она жила, пока кровь поступала из разорванных артерий. Кровоизлияние — вопрос времени. Её спутнику повезло больше.

— Вот что и требовалось доказать, везение — вещь относительная, — продолжил улыбаться Батыр Хазанович. — А между прочим, девушка завещание составила и донор нашего реципиента.

— Как донор?

Я не смогла сдержать вопрос от удивления. Обычно если реципиент не числится в листе ожидания на операцию, не планировал трансплантаций (тем более пересадки почек), чтобы сделать пересадку, нужно попасть в лист ожидания и пожить в Москве, пока найдут подходящего донора. Нужна федеральная квота. Ещё надо иметь определённый возраст, сопутствующие заболевания и недлительный диализный стаж. Ну, это у нас дом. А это же шейх!

- А что, Вера Доржевна, серьёзная ныне молодёжь? Да? Находит человека, которому подходит донорски по органам, пишет завещание, тусит с ним, а потом умирает в автокатастрофе. И дарит почки. Не прелесть? А? Если б я был султан...

- Да, кто же в таком возрасте пишет?

- Хороший вопрос, но нас не касается. Наша задача — решить, кто будет оперировать.

Он сощурился, каверзно оглядел собравшихся и хмыкнул.

- Раз-два-три-четыре-пять.

Пока он выдерживал театральную паузу, мне передали папку. Беглым взглядом осмотрела данные по пациенту.

- Как насчёт тебя?

Я аж поперхнулась.

Я!? Да, за что? С вытянувшимся лицом посмотрела на старого шамана.

- У меня недостаточно опыта, Батыр Хазанович. Нужно ещё лет пять практики. Пожалейте, — с волнением, уговаривающе, посмотрела на коллег.

Те старательно отводили взгляд, пряча сожаление, и только Полина смотрела с ненавистью. И я не поняла, а почему? Ей-то что за дело? Ведь если верить словам Андрея, у неё кто-то есть и между ними всё кончено.

- Так отказывайся. Чего ждёшь? Увольняйся.

«Батыр Хазанович! Он же старый. Организм не переживёт». Это мне хотелось прокричать. Но я только смотрела на хитрого бурята, не чувствуя на щеках влагу. Все же видели органы на снимках. Дипломатия, не дипломатия, нам-то что... Приказ из Москвы, и я крайняя.

- Но он же страдает от зависимостей, — произнесла ровно, словно читала закон.

Он подошёл ко мне, вытер большими пальцами навернувшиеся слёзы, убирая выбившиеся светлые волосы за уши.

- Тебе духи будут помогать. Не позорь отца, — внушил, как ребёнку.

Последний аргумент казался убойным, но не издевательским. Он же сам мне как отец. Учитель. А позориться дочке ламы не положено.

- Давно постирания делала?

Я отрицательно покачала головой. Последнее время — редко. Только на праздники Монлам Ченмо, да на Дуйнхор. Стыдно. Отец не желал часто меня видеть, зная про Андрея и мои поездки.

- Езжай сегодня в Иволгинский, подношения сделай.

В Иволгинский я, конечно, съезжу, куда ж деваться без уважения к старшим.

- Я хотел бы его оперировать.

Курумканский обернулся и пристально посмотрел на Андрея, недовольно признался:

- Буду иметь в виду. Нужно только с клиентом договориться. По страховке может выбрать любого. Это же небожитель. Он посмотрел на меня.

- Все свободны, кроме тебя.

Оставшись наедине, он дал время мне ознакомиться с картой клиента, а затем произнёс:

- Пора браться за скальпель, дочка.

- Может, Андрей?

- У него нет опыта.

- Я с ассистирую.

Курумканский повёл взглядом, разглядывая висящие шаманские бубны вдоль белой стены. Он их повесил много лет

назад, когда стал главным врачом отделения, отгонял злых духов. Разочарованно выдохнул:

- Нет в нём, всем нутром чую. Нет. Понимаешь, не хочет помогать. О себе думает.

- Все мы о себе думаем, — я спрятала взгляд.

Последнее время Андрей всё меньше и меньше брал операций, занимался собой и пациентами без хирургического вмешательства. Такое случалось с любым во время кризисов. А тут сам захотел. Разве это плохо?

- В тебе дар есть и жажда помочь, а в нём?

- Может быть, из-за Полины? — закусил нижнюю губу.

Тут же подняла на него стыдливый взгляд, пока он тер подбородок.

- Знаю я, что ты хочешь сказать. Думаешь, не знаю? Как вы живёте друг с другом — ваше дело, но выбор он делал.

- Наказываете её?

- Всё жду, когда поумнеет. Учиться начнёт.

- Мы планируем развестись.

- Раз хороший, чего бежишь?

Я облизнула губы, виновато разглядывая Курумканского из-под ресниц.

- Знаешь, за что твой отец не любит его? Я скажу. За то, что не тянет он тебя, девочка. Думаешь, слепой? Не вижу? Не понимаю, как вокруг тебя толпами вьются, — он сузил глаза, и его отеческий взгляд перестал быть наставническим, приобретая жар, свойственный мужскому нутру. Хлыстнул

им по мне, обжигая изнутри.

Я растерялась. Не нашла, что ответить. И ведь откликнулась. На долю секунды, на крохотный миг, нутро ёкнуло. Повинно поджала губы.

- Что ж, пошли, нам нужно с клиентом пообщаться. Ещё Прасковью Дмитриевну штурмовать.

Глава 6

VIP-палаты в городской больнице Улан-Удэ располагались на пятом этаже. Оттуда открывался дивный вид на Селенгу, разливающуюся многочисленными потоками. Река петляла замысловатыми рисунками, огибая город с двух сторон. И хотя она не растаяла толком, в это утро никто из обитателей больницы не смотрел в окна.

Новость о том, что в больнице лежит настоящий шейх, быстро облетела округу. Слух о том, что это миллионер из самой Аравии, вызвал переполох в сонном распорядке дня. Ведь, если повезет, то можно не только лично повстречаться, но и выйти замуж. Весь персонал больницы, а также пациентки — от мала до велика, бедные и побогаче — обсуждали эту возможность на каждом углу.

Они смаковали детали аварии, пересказывали друг другу новости о том, что планируется серьезная операция и, возможно, её будут делать в Москве. А может быть, сам президент прилетит для сопровождения. Дипломатия и прочее.

Те, кто был понаглее и мечтал взять быка за рога, толпились у входа и за входом в VIP-коридор. Прасковья Дмитри-

евна в святая святых посторонних не пускала, жутким взглядом и страшным голосом отсекая размечтавшихся, лишь одной своей немаленькой фигурой. Хотя нужно заметить, её скулы уже сводило от приторного выражения спокойствия, сквозь которое прорывалось желание сходить домой и взять двустолку у мужа, заряженную солью. Хотелось охладить пыл "посольства" невест и визитеров, считающих, что они способны дать фору любому журналисту.

Когда к ней подошли двое мужчин с накинутыми поверх элегантных деловых костюмов из знаменитой английской шерсти белыми халатами, она, ленись оторвать зад от стула, зычным голосом гаркнула:

— Куда!?

— Это люди шейха, — из-за их плеч высунулась Полина Курумканская и под нос слеповатой Прасковьи Дмитриевны просунула справку, наспех нацарапанную на вахте перекосившимся почерком вахтёрши.

Я усмехнулась, наблюдая за этой встречей, где Прасковья Дмитриевна и охрана шейха. Я шла с Курумканским в том же направлении и не могла не заметить, как светится Полинка, насколько льнет к одному из арабов. Липнет так, что сомневаться не приходится — у неё с ним отношения или планы на них. Но при виде другого тело бросило в жар и пот, так что руки затряслись. Мало мне было Галиба в спа-салоне.

Похоже, что конец света наступил — прямо сейчас, и прямо сегодня!

Мужчины прошли внутрь, а Курумканский, фыркнув на собравшуюся толпу, разогнал её грозным взглядом.

- Устроили зоопарк, - ругался он. - Прасковья Дмитриевна, кто разрешал пропускать?

- Справка же, справочка была.

- Что, любая бумажка — справка?

Забрав её со стола, он направился внутрь, дойдя до палаты номер один. Толкнул дверь, игнорируя четверых охранников.

В палате двое мужчин стояли, а шейх лежал. Его матрас был слегка приподнят для общения с посетителями.

- Позвольте представить моих людей, - перевела с лёгкостью Полина, кокетливо улыбаясь и намеренно игнорируя угрюмый взгляд отца.

- Чем обязан? - спросил тот.

- Изабелла вас раскрасила, мисс, - улыбнулся шейх, обратившись неожиданно ко мне, готовый умереть на месте вместо шейха и привлекая их внимание.

- Так бывает, когда происходит кровоизлияние в мозг. Ваша подруга не виновата, - ответила я, понимая, что все смотрят и внимательно изучают. Особенно Марс. И мне не по себе от его взгляда и присутствия. Я поёжилась, покраснела, вспоминая прошлое. И никуда не деться. А хочется исчез-

нуть и выйти за дверь. И хоть рядом Курумканский, меня мутит и не по себе.

- Они здесь, чтобы уладить правовые моменты и составить договор. Марс Брицкриг, - обратился он, представив первого мужчину, мрачнейшему Курумканскому.

Он кивнул, перестал изучать меня и теперь предельно внимательно смотрел на Курумканского. Словно пытался разгадать, какие отношения связывают главу отделения и меня.

Марс Блицкриг смотрел сквозь старого шамана и сворачивал взглядом на меня. А мне хотелось быстрее завершить встречу.

Быстрее.

Быстрее!

Ещё быстрее...

Признаться себе, отчего, было выше моих сил. В этот момент я остро пожалела, что не ношу обручального кольца. А затем с удивлением осознала, что даже не знаю, где оно лежит дома.

- Это Мухамед Али.

Второй мужчина постарше, весь седой, показался привлекательным. Настолько, что подумалось, неужели все высоко-родные арабы такие? Идиотская мысль, но именно она мешала сосредоточиться. А точнее, прожигающий взгляд Марса Блицкрига. Он смотрел без стеснения. Прямо. Так что заметила не только я, но и Курумканский с Полиной. Любо-

пытно, казалось, Марс не узнал ни её, ни меня. Или узнал, но не стал афишировать. Может быть, это всё как-то связано со спа-салоном и Галибом?

Шейх смотрел на меня, но с усмешкой, как будто знал о нашем общем прошлом. Курумканский вскинул руки вверх.

- Вы выбрали врача? Хочу предложить Веру Баргузинскую, - он протянул руку в мою сторону. – Лучший специалист.

Мужчины повернулись к шейху, который смотрел всё с той же улыбкой, застывшей, ничего не значащей и вежливо-обходительной, а затем развёл руки. Слегка усмехнулся, мол, в следующий раз, моя дорогая.

- Я выбрал Андрея Ритмова, - сообщил он.

- Почему?

- В его биографии нет негативных инцидентов, - произнёс Мухамед Али.

Курумканский нахмурился и понял всё без дальнейших слов. Покачал головой.

- Вера — лучший мой хирург, думаю, и в Забайкалье.

- Вы не поняли, мы сделали выбор, - с нажимом произнёс Али, и Курумканский всплеснул руками, взревел:

- В деле указано, её вины нет.

Я не выдержала и вышла за дверь. Это выше моих сил! Я больше ни на кого не смотрела и не слушала, прислонилась спиной к стене. В моей биографии и в самом деле был негативный случай. И сейчас на душе я ощущала внутреннюю

мешанину страха, позора и ужаса. Дикая смесь, в которой профессиональная гордость перевесила всё остальное. Мне не смыть пятно позора. Не смыть, сколько бы жизней я ни спасла после. Люди судят не объективно, а субъективно, а в вопросах здоровья тем более.

Из палаты вышла Полина. Остановилась, она взглядом разбирала меня с некоторым презрением. За последнее время она расцвела. Прибавила в груди и как-то стала выглядеть женственнее. Дамское самолюбие напомнило о себе неприятным ощущением в груди.

- Думаю, ты заслужила, - заявила она, не в силах скрыть триумфа и злорадства.

Что с того, что выбрали не меня, любовнице мужа? Выходит, мы не просто соперницы. Я по-новому взглянула на неё, пока та, слегка улыбнувшись, вздыхала:

- Боже, какие мужики. У наших баб в отделении слюни текут.

- К чему столько откровений?

Она не сказала мне за последние годы и двух десятков слов. Мы же враги.

- Передай Андрею, я не могу сегодня, - она бросила взгляд на дверь палаты.

- Передай сама.

— Это не мне сделали предложение и женились. Так что вы чаще видите.

Всё происходило на глазах у Прасковьи Дмитриевны, ко-

торая забыла о своём желании сходить домой за ружьём, об усталости и о посетителях в VIP-палате. Вместо этого, разинув рот, она впитывала подробности новой сплетни. Эка новинка, любимица Курумканского увела у его дочери жениха. И кого? Такого талантливого и несчастного. Теперь они несчастные любовники. Ой-ой-ёй! Шейх как VIP-больной тут же уступил в её рейтинге новостей первую строчку и, она, спохватившись, старательно отвела взгляд от нас, делая вид, что читает принесённые справки-пропуска.

Я выпрямилась, со злым возмущением глядя на Полину. Офигеть, жена будет передавать послание от любовницы мужу? Она что, совсем с катушек съехала? Как она такое представляет?

- Он не мой любовник.

- И не мой. Я, между прочим, замуж выхожу. Он твой теперь. Навсегда!

Она таинственно повела бровью, повернулась и победным шагом пошла по своим делам. Я же в удивлении уставилась ей вслед.

Глава 7

За 7 лет до аварии

- Окей, ты не можешь поехать туда! Слышишь? Ошибка! Большая ошибка, - моя подруга Катя смотрит на меня с тревогой. Мы сидим на лекции в последнем ряду. Я и две моих лучших подруги - Катя и Женя. Лектор бубнит уже минут тридцать, и до конца пары остается десять. Понятно, почему от них обеих исходят волны беспокойства. Видимо, они обсудили всё до начала занятий. И теперь, когда Катя взорвалась, Женя встрепелась от сонливого слушания теории по анатомии и с заботой уставилась на меня.

- Ты же давно не его девушка. Он даже не поддерживает дружбу, - Катя при этом резко сгибает указательный и средний пальцы на руках, обозначая кавычки. — Ведет себя, как чужой. Вы вроде расстались? Или нет? Что это за романтический бред про снежки, лепку снеговика и всё такое?

- Да, - поддакивает Женя. — Ты с ним месяц как встречалась. И я, цитирую тебя: «Ты сплошное разочарование. Столько скромности. Давай не будем спешить и дадим друг другу больше пространства»!

Я охаю от её суперпамяти. Ну, да, он так и сказал. И больше не позвал ни на одно свидание. Но это было всего две недели назад. Я очень надеюсь, что Галиб передумает.

- Но я хочу, - замолкаю, внезапно загораясь. И не договариваю то, что собиралась сказать.

«Я хочу с ним встречаться! Он самый привлекательный, воспитанный и сдержанный на свете».

- Хоти кого-нибудь другого, - сердится Катя.

- И кого?

- Кого угодно! – она обводит глазами аудиторию.

- Он для тебя опасен, - негромко в задумчивости соглашается Женя.

Я вздыхаю и не отвечаю, ловлю возмущенный взгляд лектора. Мы все трое делаем вид, что закончили беседу. В то время как я думаю о своём парне Галибе Мактуме. Он и в самом деле опасен. Его рост, широкие плечи и черты лица мужские, густой черный волос и глаза, темные и карие... да у всех девчонок от первого до пятого курса коленки подгиба-

ются при нем. Нужно заметить, что мужчины их семьи похожи между собой. Сильные гены. К тому же он сам по себе не зануда. Он добрый и дружелюбный. Я молчу про исходящую от него волну... гм, горячей привлекательности.

«Щедрая няша», так зовут его девчонки, с которыми он встречался. А это самые красивые и классные девочки в нашем университете. И я такая замухрышка, с очками на носу и с толстыми книгами под мышкой. Да, о нём все мечтают! Каждая в тайне представляет, как он выбирает её. И стыдно признаться, я тоже об этом мечтала все четыре года.

А после четырех недель в его компании всё сильно поменялось. Я изменилась. Теперь я сгораю от стыда, думая о своих фантазиях, в которых он наполняет меня. Будешь тут мокрой, когда только и размышляешь о том, каково ощущать твердый член между ног. Его член. Господи, мои пальцы вряд ли напоминают его.

Полагаю, суррогат так себе. Но другого не имеется. Тяжело вздыхаю. Я вовсе не ханжа, и девчонки вряд ли поймут. Жутко совестно, что они так сильно переживают за меня, а я, игнорируя все разумные доводы и сомнения, думаю о совершенно непристойных вещах. О пошлостях, которые делают многие люди на планете, и я готова совершить их вместе с ним.

Я спокойно себе училась и наблюдала за ним издалека, думая о том, что буду вспоминать, что мы закончили с ним один и тот же университет. И уж тем более не мечтала о том, что он посмотрит в мою сторону, кинет заинтересованный взгляд. Мы встречались месяц. Один чудеснейший, волшебный месяц, и я влюбилась в него. Втрескалась так сильно, так глубоко, что готова изменить всем своим принципам и правилам. Подруги не одобрили это. И они правы. Он не пара мне. Точнее наоборот, я ему. Я всего лишь обычная девчонка. А Галиб — наследник огромной торговой империи, что делят его отец шейх и дядя. Он сын шейха, олигарха и уже миллионер.

Он скрывает свой статус, но шило в мешке не утаишь. Особенно после того, как он пригласил меня на почти семейную вечеринку. Не к себе домой, а пока только к дяде. Тот младше его отца почти на десять лет и у него больше общего с племянником, чем со старшим братом.

Девчонки уверяли, что это были пробные смотрины, и, видимо, я их не прошла. Ужас-ужас-ужас! Но именно там я поняла, что хочу его невероятно сильно. Я не решилась разделить с его друзьями веселье в бассейне. Наблюдала со стороны, как они прыгают с трамплина и как брызгают девушек в больших надувных матрасах в виде желтых утят и розовых единорогов.

Мои гормоны зашкаливали от желания. Я хотела быть готовой и боялась разочаровать его. Гуглила матчасть обо всем, что может происходить в постели между парнем и девушкой. И, конечно, после всего прочитанного и просмотренного мои сны буквально сочились от образов влечения обнаженных тел и того, как мы страстно занимаемся этим. Я пылала от мыслей, представляя, как он будет толкаться в меня, а я кричу от страсти. Но это во снах и раздумьях, а в реальности все куда сдержаннее.

Галиб не торопился тащить меня в койку. Не пытался нагреть ситуацию или сделать нечто, что закончилось бы нашим обнажением и горячими объятиями. Конечно, я нервничала, пытаюсь разобраться, что происходит на самом деле. Почему он медлит?

Я не понимаю его.

Во всей этой ситуации был еще один человек — Полина. Она полная моя противоположность: яркая и ухоженная, обвешанная украшениями и сумочками тяжелых люксов. Для нее норма следить за новыми коллекциями от престижных домов, одеваться и тратить столько за раз, сколько мои предки зарабатывают за целый год. И она раскованная, сексуальная девушка, самая эффектная в университете. Конечно, она

не живет в нашей общаге для нищобродов, но часто наведывается «поболтать» с Галибом и другими парнями.

Кажется, временами она ему нравится. Они дружат, делают общие проекты, курсовые, собирались дипломы. Я же ревную и никак не могу избавиться от страха, что он выберет ее. Он никогда не оставался со мной в комнате на ночь, даже когда Катя уходила ночевать к Жене.

Но не это самое плохое. А то, что запросто Полина могла постучать в нашу комнату и ждать нас в ней, пока мы с Галибом, к примеру, гуляем. Катя и Женька пытались от нее избавиться, выпроводить, но эта сука была непреклонна и сидела до последнего на моей кровати в ожидании Галиба.

— Вот же дрянь! Дешевка, — взрывалась Катя. — Вот чего сидишь? Иди в его комнату и спроси о чем-нибудь его.

— О чем? — я тяжело и скованно вздыхала.

— Она уже час флиртует с ним! Он как ушел, она сто процентов поплелась за ним. Ты что, позволишь сучке увести у тебя его? Вера!!! Почему ты ничего не делаешь? Почему не борешься? Где твои глаза?

— Они дружили и до меня, и до всех его девушек, — я смущаюсь, трусливо отмазываюсь. — Если он захочет, он сам выпроводит ее. А если приду я, это будет очень навязчиво, не считаешь?

— Ты что, дура-то такая!? Она же пытается залезть к нему

на член. Увести его! Угнать! Пока ты тут монашку изображаешь, она ему там сосет! Наяривает. Понимаешь? Это твой парень или нет?

Глава 8

То, что они до сих пор называют его моим парнем, мне приятно. Значит, и Катя, и Женя верят, что ещё не всё потеряно. Они не хотят показывать этого мне, чтобы я зря не надеялась. А то, что Галиб общается с Полиной... Ну, так он со всеми общается. Мало ли кто о чём мечтает? Это его личное дело, и оно не касается наших отношений. Но всё же ревность — ужасное чувство. Оно, как змея, пролезает, прокрадывается тревогой в сердце, страхом о том, что он для себя насчёт нас всё решил.

Он уже бросил меня. Ждёт, когда дойдёт до меня. Поэтому, когда его дядя позвонил мне, я очень удивилась, но и одновременно обрадовалась. Домик в горах, охота на птиц, там есть озеро, и значит, можно купаться и рыбачить. Хотя нет, купаться рановато. Снег лежит. Я согласилась на приглашение. Мне показалось это отличной возможностью расставить точки над «i».

Я хочу соблазнить Галиба и показать, что могу абсолютно всё. Всё, что он попросит у меня в постели, я смогу дать! Только вот восторгов от подруг я так и не услышала, когда сообщила им эту новость.

— Вера, — Катя недолго обдумывала сообщение и мои планы. — Если он с ней активно общается в соцсетях и по телефону, может, давно всё пропало, а? Может, поздно пить боржоми, когда почки отвалились? Ведь он не захотел с тобой это обсуждать?

Я морщусь, отказываясь признавать, что в её словах зреет зерно истины. Не хотел он об этом говорить.

— Это вовсе не значит, что он только с Полиной переписывается. Она не единственный его друг.

— Зато она единственная пи@@@а, готовая на всё, лишь бы заполучить его, — парировала Катя.

Я ощущаю, как мои щеки превращаются в сухие сосновые поленья, которые только что подожгли факелом паранойи. Я и так этого боюсь и без её слов.

— А знаешь, я согласна с Катей, — говорит Женька. — Это бредовая идея. Ты сама подумай: даже если тебе удастся залезть к нему в постель? Ну, там соблазнить или хотя бы поговорить с ним об этом. Там же вы будете не одни. Как-то не комильфо. Там будет дядя и, как его этот... друг дяди. Вы двое будете трахаться, а они что? Слушать и смотреть?

— Да, они старые.

— Старые, — Катя скептически поднимает брови и хмурится. — На десять лет с небольшим старше нас — старые? А по-моему, они взрослые и в самый раз. Уже всё попробовали, всё умеют и ни в чём себе не отказывают.

— Ты о чём, — краснею, выдавая себя. — Главное, что мы будем с Галибом там. Я его девушка. И камин, вино, тишина, много чистого воздуха. Это романтика, должна помочь стать ближе. Должна!

Катя и Женя смотрят друг на друга многозначительными взглядами, потом с укоризной на меня.

— Ты совсем не понимаешь, — допытывается Катя. — Окей, представь тогда, что скажут твои родители о подобной поездке в домик в горах, а? Ты и три мужика? Араба! Романтично? Окей, не три! Два и парень. Окей?

Всё, капец, я попросту задыхаюсь от прилившей крови к лицу и горю от стыда и их вопросов. Не нужно было вообще никому говорить об этом. Но как же я могла не сказать? Мы все трое из простых семей. А домик в горах, сама поездка — она как из другого мира. Где всё можно, где сбываются

мечты и сказки. Об этом мире мы знаем только по картинкам в Pinterest. И Галиб из этого мира. А я хочу быть частью его мира.

И хотя мы знаем о жизни миллионеров лишь из жёлтой прессы и новостей, и часто это ужасные сообщения о чём-то неприличном и гадком, даже аморальном, почему тогда все так хотят попасть в мир элиты? С этими людьми дружат. Все хотят заводить связи с миллионерами и элитой. Все! От последнего бомжа до знаменитости или политика. Хотя именно этим людям — развратным и похотливым, капризным и жестоким — часто всё сходит с рук. Они словно существуют вне судов и законов. Их не касается обычный мир смертных.

— Это всего лишь домик в горах! А они не три маньяка! — моё отчаянное вскакивание с кровати и метания по комнате вызывают в их глазах щемящую жалость. — Катя, но ты сама встречаешься с кем-то, кого прячешь от нас. Это же потому, что боишься, наверное? Как ты говоришь, счастье любит тишину. Они элементарно люди, и всё! Задумайся, на что ты пошла бы, что сделаешь, чтобы удержать любимого? Человека, который для тебя так важен. А он думает бросить тебя, а?

Она качает головой и молчит. Катя не любит говорить о своём парне и не рассказывает, что именно произошло в её жизни до и после него. Так дорожит, что не показывает.

Некоторые думают, что его вообще не существует.

— Послушай, она за тебя переживает, — бурчит Женя.

— Я знаю. Но Галиб и его дядя не стали бы звать меня, чтобы что-то такое со мной там сделать. Это безопасно! И точка! Я буду там, и вы знаете об этом. Нет никакой угрозы. И, может, будут их подруги.

На лице Кати всё ещё ощущаются противоречивые чувства, будто она знает больше, но не произносит вслух.

— Её безмерно смущает факт того, что тебя пригласил его дядя, — произносит Женя, не видя в этом чего-то ужасного.

— У нас, у медиков, случается паранойя, — заявляю я Кате. — Так вот это — она! Ты во всём видишь теорию заговора. Какой здесь заговор? Заговор трёх хуев?

Она хихикает, пытаясь удержать губы в строгой линии, но не может.

— Домик в горах. Галиб не заслуживает тебя ни в горах, ни под горой. Он, конечно, красавчик, но...

— Домик в горах! Ты и Галиб? Вы едете в поездку? —

голос Полины звучит прямо за приоткрытой дверью нашей комнаты в общежитии.

Глава 9

Вдвоем, — теперь в ее голосе слышится дрожь. Мне становится жарко, чувствую, как дрова полыхают уже не только на лице. Оборачиваясь, вижу ее в дверях. Выглядит она, как всегда, потрясающе. На ней платье из последней коллекции от Шанель, и такой макияж и укладка, будто она только что из салона красоты. Она кажется моделью с подиума или с обложки журнала. А может, и лучше, ей ведь не нужно работать.

— Так ты и Галиб едете за город, — в ее голосе слышится едкая насмешливость, но в глазах сияет гнев. — Миллионер и кикимора. Прелестно!

Я смотрю на нее в крайней степени удивления. Значит, не просто так она подбивает к нему клинья. Выходит, она знает, из какой он именно семьи. И всё не просто так. Как я раньше до этого не додумалась.

— А знаешь, такое бывает, когда мальчику из богатой семьи хочется посидеть на диете, — самодовольно и успокаивающе себя заявляет она.

Ощущаю, как горю. Да, я ботаник. Я люблю учиться и обожаю книги и библиотеки. А еще я тащусь от математики и ее возможностей. Для меня она — язык, на котором не говорят обычные смертные, а вся Вселенная. И без нее не было бы современного мира с его сетями, технологиями и возможностями. Но я выгляжу, как обычная девушка, а не сверкаю, как произведение искусства.

— То, что у меня с Галибом, тебя никак не касается. Иди, куда шла!

— Без тебя решу, что мне дело и до чего, — отвечает она с превосходством и грацией светской львицы. — А знаешь, я прямо умираю от любопытства: и что такой парень, как он, нашел в тебе, чего нет во мне? Отсутствие вкуса, убогий стиль или бедность? Вряд ли твоя асексуальность. Может, трухлявые бабушкины трусы? М-м-м, ретро-стиль, видимо...

Ее слова, как звонкая пощечина. Она и в самом деле сверкает. В ее красоте так много сексуальной игривости и притягательности, что парни падают к ее ногам. Когда она хочет, например, чего-то, она может получить любого. Любого, кроме Галиба. Возможно, поэтому она так цепляется за него. Дело не в деньгах.

Такой девушке, как она, с ее природным сексом в каждом

вздохе и взгляде, трудно представить, что существуют мужчины, как он. Или нет? Они же дружат. Я с прозрением понимаю, что она никогда не говорила нам или мне о нем. Она дружит с ним, но не озвучивает ничего. Держит язык за зубами. А смотрит на меня с таким презрением и безгласностью, что кажется, я такая и есть. Я же не могу конкурировать с ней ни в чем, кроме ума. Моя красота обыкновенная и естественная, я бы сказала, простая. А на Полину мужчин тянет, как дрожжи к сахару.

— Ретро-стиль, — фыркает Женя. — Только вот он с тобой предпочитает домашки делать, а с ней встречается. Странно, и почему не с тобой!?

Я так рада, что в комнате две моих подруги. Это придает мне сил и уверенности.

— Ага, и не позвал в поездку, — доливает масло Катя. — Ты для него кто? Паренек в юбке!? Уверена, твоими трусами он совсем не интересуется.

— А ты вообще заткнись, — она почти шипит. — Ты ничего не знаешь, вот и мечтаешь.

— И что она не знает, — огрызается Катя, вскакивая с кровати и собираясь захлопнуть дверь перед носом мерзавки

от кутюр.

Мы все трое замечаем, что на ее щеках появляется румянец.

— Домик в горах, его дяди? — Полина злобно хмыкает.
— Глупые шлюшки.

— Вот я тебе сейчас вырву пару локонов, — Катя хватается ее за волосы, но та отклоняется от руки.

— Зато я знаю побольше вашего! Домик-то не простой. Они туда возят девушек. Ты думала, что первая. Ха-ха-ха! У его тети узнала.

От последнего признания у меня расширяются зрачки.
«Тети»?

«Узнала»!!!

Выходит, она давно знает Галиба и даже знакома с его семьей. Нетрудно представить, как она распивает кофе с его родней и рассказывает последние новости об учебе и университете, о нас...

Они из одного слоя населения. И у них могут пересекаться интересы. Полина такая же, как они. Пусть и уровни богатства не соизмеримые. Вот почему она дружит с Галибом, а он с ней. Одобрение семьи важно для всех. Поэтому в этом

у нее неоспоримое преимущество и карты в руки.

— Я могу понять, ты хочешь вырваться из этой ничтожной жизни, — говорит Полина, окидывая взглядом мои старые джинсы и затасканное худи. — Но они никогда не желятся на таких, как ты! Никогда. Безусловно, ты жаждешь получить его. Но он не любит тебя. И не любил! Совсем!

Мне стоит больших трудов не спрашивать, как она узнала об этом. Он ей сказал? Со слезами на глазах, смотрю на девчонок. Одно дело, когда это говорят подруги, другое — соперница. Больно, как от уколов. Катя хватается за дверь. Женья хмурится.

— Только ответь, — Полина не дает закрыть дверь носком дорогого сапожка. — Ты вот так с ним можешь?

Катя уже шипит, кажется, еще мгновение, и она бросит дверь и все-таки вцепится в роскошные золотые локоны. Мерзавка достает телефон, и та тормозит, в замешательстве. Я с ужасом переживаю, что она сейчас нам покажет? Голые фотки секса с Галибом? Жаркие объятия и поцелуи? Я опоздала!? Нас всех троих ее действия приводят в оглушенное ожидание.

Полина зло улыбается мне и набирает сообщение, нажимает кнопку «Отправить».

— Пф, — разочарованно тянет Катя, а я в облегчении выдыхаю.

Она показывает нам экран. Усмехается с победным выра-

жением на лице. И непонятно, что она отправила и чему так радуется.

— Ты вот так можешь? Взять и отправить ему такое сообщение? С тем, что ему и в самом деле будет интересно, — она намекает так, что становится плохо.

Что она отправила ему? Что-то неприлично порочное? Пошлое? Сексуальное?

— Что ты можешь предложить ему, замухрышка? — говорит она на прощание, и Катя захлопывает перед ее носом дверь.

— Дрянь, — ругается она, подходит и обнимает меня за плечи. — Не верь ей. Она всего лишь избалованная сука! И завидует тебе!

Я готова разрыдаться на дружеском плече. Вместо этого я собираю остатки своей воли и смелости в душе и твердо им сообщаю:

— Я еду в этот чертов домик. Нравится это кому-то или нет. Я не позволю у меня украсть шанс все изменить! Я на все готова.

Девчонки ахают, смотрят на меня так, словно я сообщила, что пойду и сброшусь с обрыва на скалы.

— Верунь, солнышко, — тихо шепчет Катя, глядя меня по моим светлым локонам, которые далеко не золотые, как у Полины. — Ты зря слушаешь ее, но она права. Тот домик не для романтики. Соображаешь? Полина нам помогла. Вряд ли она лжет. Ты там будешь одна с ними тремя.

— Не буду, — я сжимаю кулаки.

— Ну, что ты там собралась делать? Тебе же только что все объяснили, для чего это нужно. Его дядя, возможно, вообще имеет другие планы на тебя. А Галиб, он знает об этой поездке? Он хочет?

— Знает. Я спрашивала, — отзываюсь, нервничая и кусая губы. — Я там и в самом деле собираюсь трахаться. С Галибом! Пока эти двое будут на охоте или на рыбалке, неважно, я буду с ним одна. И да поможет мне Бог, если я не получу его.

Катя с трудом выдыхает, на миг закрывает глаза.

— Но ты там будешь не только с ним, — говорит она с нажимом в голосе.

— Справлюсь! Я не дам себя в обиду. Поверь мне, — отзываюсь я, обнимая ее в ответ на дружеские и такие теплые объятия.

Разумеется, они не знают, что я уже не та скромница и стесняшка, что была пару месяцев назад. О нет! На сегодняшний день я весьма подкована. И даже некоторые вещи сама с собой попробовала. Мне понравилось. В этом смысле, благодаря Галибу, я расширила представление о себе и о своем теле. Я решила, что раз другие люди не боятся, то и мне стоит перестать. А еще — нужно пробовать. Испытывать и выяснять, что подходит, а что нет, и не волноваться, будто другие могут осудить. Это лучше, чем упускать в жизни людей, которые важны.

Глава 10

Сутки спустя с досадой осознаю, что, возможно, я не в меру самоуверенный романтик.

Все идет, черт возьми, не так.

Эта поездка и Галиб. Все не так.

Дядя Галиба Марс и его друг Александр. Они старше... Мне двадцать два, и кажется, они, в отличие от меня, прожили целую жизнь. Десять лет разницы ощущаются мною как большой разрыв в жизненном опыте.

Галиб и Марс похожи. Еще на вечеринке я заметила, что у его дяди более зрелый вид. Лицо не юное, в глазах застыла основательность. Нет восторженности и доброты Галиба, скорее напряженность и внимание. Но он также красив, как Галиб. Почти!

Александр — высокий блондин, более мягкий в выражении лица и повадках. Он устал и почти всю дорогу до домика спал. Кажется, школьный товарищ Марса.

Чего я не учла, так это то, что мужчины собирались отдохнуть. Они после ужина все легли спать, а утром умчались все трое на охоту.

Привет, романтика одиночества, и пока планы по соблазнению!

Я осталась на весь день в компании сама с собой, прежде

чем они вернутся. У меня было достаточно времени, чтобы изучить не такой уж и маленький дом.

В нем три этажа и огромное подвальное пространство. Всё оборудовано по последнему слову техники. Первый этаж общий, второй — жилой, третий — игровой. В подвале есть сауна и гараж. Запасы в доме еды и алкоголя такие, что можно пережить зиму и ни о чем не думать! Я же нервничаю и волнуюсь, с нетерпением жду и боюсь одновременно.

Слоняясь по дому, я нашла большую библиотеку, развела в камине огонь и, расположившись прямо на пушистом толстом ковре, разложила три десятка книг, изучая их содержание. Галиб не собирается разговаривать со мной, размышляла я. Он поселился в другой комнате, а вчера после ужина сразу ушел в гараж готовиться к сегодняшней охоте. И это бесит. Я не понимаю, почему.

Целый день с книгами — это здорово, но отнюдь не то, что я хочу. За окном зимой темнеет рано. А за городом и в лесу, где ели с пятиэтажные дома, тем более. Мне страшно и нервно разом. Я так хочу секса с Галибом. Ожидаю от него решительных действий, попыток сблизиться, любых воздействий, направленных в эту сторону.

И ни-че-го!

Откровенно говоря, я так зарылась в книги, буквально выстраивая перед собой небольшие башни, потому что прячусь сама от себя и от тех шокирующих поступков, которые совершила вчера после ужина.

Для меня, человека, планирующего эту поездку целую неделю, мечтающего наконец переспать с парнем своей мечты, сложившаяся ситуация представляется тупиком и дикой нелогичностью. Ведь я никогда не целуюсь с незнакомцами. Я даже в очереди требую дистанции в метр от себя.

При воспоминании о вчерашнем мой пульс подскакивает. Начинает стучать в три раза быстрее. Кровь приливает к конечностям, и я сглатываю. Я никогда не одевалась сексуально, ни на вечеринки, ни куда-либо еще. Но в этот раз я изменила самой себе. Мне хотелось увидеть, как загорятся глаза Галиба, как он будет смотреть на меня.

До него я встречалась с другими парнями в университете. И нужно признать, он видел, как я с ними целовалась. Я помню, как он смотрел на нас, когда мы обнимались в коридорах перед лекциями. Его взгляд всегда возбуждал в душе трепет. Хотелось, чтобы у меня между ног был он, а не тот, кто меня целовал. Я жутко смущалась от этого, задаваясь каждый раз вопросом, откуда такие странные мысли? Может, дело во взгляде Галиба? Темном, порочном и в то же время не осуждающем. У его дяди такой же. Жаркий, горячий взгляд, только в разы тяжелее.

И вот я здесь, на мне суперсексуальная юбка с воздушными воланами. Трусики, которые что есть, что нет. И всё, что я чувствую, — это смесь стыда, вины и разочарования.

Разочарования, потому что Галиб нес какую-то чушь о том, что ему нужно ассимилироваться к горному климату.

Домик в горах, у него горняжка. Бред! Плюс тут дядя, он не может провоцировать неприличные ситуации и не может вести себя неподобающе. Ему безумно нравится мой вид. Бесспорно красивый, он меня не видел никогда такой, но стоит подождать. Я уязвленно нагревалась: а чего подождать? Почему требуется ждать?

А стыд, потому что по дороге сюда, в машине, Марс был таким милым. Мне даже подумалось, что он флиртует. Я отбросила мысль как крамольную. Ну, чего вдруг взрослому мужчине с огромным счетом в банке флиртовать с девушкой племянника? А?

Это всё воображение.

Только вот после ужина, когда мы остались на кухне одни, и я уже убрала со стола, загружая посуду в посудомойку, он неожиданно остановился сзади. Пару секунд я стояла, не шевелясь, ощущая его присутствие, его дыхание, фон его самого. Я застыла на месте, вдыхая резкий аромат одеколона, с удивлением отмечая, что уже чувствовала подобное. У бассейна в его доме.

Неторопливо внутренний спокойный настрой начал превращаться в расплавленный сплав ртути.

Он крупный мужчина. Для меня большой. Явно заходит в спортзал и следит за собой. Даже странно, что до сих пор не женат. Хотя, чего странного? Красивый, обеспеченный, успешный самец, разве будет сам стремиться ограничить количество сексуальных контактов? Он же не мазохист.

В этом смысле мужчины скорее филантропы.

Природные такие! Как говорит моя мама, а она биолог по образованию: «Любое семя должно путешествовать по миру», иначе капец виду и разнообразию. Чёрт!

Мужские пальцы чувственно прикоснулись к моей заднице. Меня тут же облило кипятком. Его действия не возмутили, а хуже... взволновали.

— Ты невероятно красивая, Вера, — прошептал он на ухо, рассказывая, какие у меня роскошные кудри, лицо, улыбка, запах.

Он жадно задержался губами на затылке, оставил горящий поцелуй на шее, в то время как его уверенные пальцы скользнули под юбку, вызывая ошеломление.

Послышался шум, чьи-то шаги, и я, как ошпаренная, отскочила от него в сторону. Покраснела от всего разом. Марс негромко рассмеялся над моей реакцией и, похоже, наслаждался ею. Боже, хорошо, что он не раздет! Джинсы, свитер... не то что я! Старалась же для Галиба. Футболка, юбочка...

— Ты такая милая, — произнес он, наблюдая, как я забыла дышать, пока Александр брал из холодильника пиво и

обменивался с Марсом ничего не значащими фразами.

Его взгляд лениво скользнул по мне, мужчина усмехнулся, как будто знает, чем мы тут только что занимались. Я бурно покраснела. Ужас какой! Я думала, что мы с Галибом распакуем вещи после ужина, поговорим, займёмся любовью, наконец!

А нет. Он ушёл спать. И само по себе это уже много значило. Сидя у камина в одиночестве, я ощущаю себя угнетённо-потерянной. Наверняка ему там весело сейчас. Они же не только будут стрелять, отслеживать добычу. Разведут костёр, что-нибудь пожарят, выпьют. Перестанут чувствовать холод улицы, и неясно, когда вернутся. Господи, я просто полная дурочка, раз решила, что Галиб всё поймёт и сам. Ему, похоже, всё равно.

Обида застилала глаза. Я хотела добиться своего и совершенно игнорировала факты. Галиб и в самом деле мог перестать меня хотеть. А я приняла приглашение другого мужчины в надежде, что это подтолкнёт Галиба на действия. О чём я думала? Это будет хорошим мне уроком на всю жизнь. Если мужчина тебя не желает, то ничего и не будет.

Глава 11

Я радовала себя мыслью о том, что в этом есть определенная романтика для интроверта. Чем заниматься в домике в горах в одиночестве, пока люди, с которыми я приехала, развлекаются отдельно? Чем?

Я толкнула ногой самую высокую бумажную башню, злясь на себя и на Полину. Она точно блефовала! Возят они девок? Таких, как она!?

Сижу тут на коврике, в несвойственных мне шмотках и делаю вид, как жутко интересно читать. В одиночестве. Я толкнула вторую башню из книг. Та развалилась, раскрываясь на нечитанных страницах ровными скучными строчками. На глазах навернулись слезы. Повалившись на спину, я смотрела в потолок на тени, отбрасываемые пламенем от камина.

Полежав минуту или две, согнув одну ногу в колене, я кусала губы. Уязвленное самолюбие шептало: "Да-да, возят таких, как она. Красивых, развратных, пошлых, доступных... каких? Кто нравится тем, у кого всё есть? Точно, не такие, как я".

Левая рука сама накрыла лобок, ощущая между ладонью и выбритой киской толстые слои тканей: трусики, воланы юбки, теплый воздух от огня. Крушение всех моих надежд! Задрала футболку над грудью, досадуя. Специально не стала одевать лифчик в надежде на успех у Галиба. Все уверяли, мужчины находят подобное соблазнительным. Бла-бла-бла!

Может, Галиб и не мужчина вовсе? А? Может, он того? Сломанный...

Обиженные размышления сопровождались во мне желанием получить удовольствие. Пальцы медленно скользили по соскам, вырисовывая пируэты на ореолах, слегка задевая вершины. Очень чувствительно, задумчиво, тягостно. Ведь нет ничего плохого в том, чтобы гладить себя.

Моя грудь красивая? С точки зрения женщин или мужчин? Наверное, женщин, решаю я. Парни не говорили, что она роскошная. Как оценивать фразы, что она небольшая, упругая и имеет средние по размеру соски? И они чувствительные. Я улыбаюсь, чувствуя восприимчивое подтверждение сосками под пальцами. Но, блин, не роскошная! Например, как у Кати. У неё большая. Для её комплекции даже огромная. А моя... нет.

Горько выдыхаю и с силой зажимаю между большим и указательным пальцами соски обеими руками. Я хозяйка этих вершин! И я чувствительная! Они всегда откликаются на мои действия. Грудь тут же набухает, становится заострённой. Крученые сжатия отдаются, растекаются истомой по всему телу. Упоительное ощущение тёплой волны через низ живота.

Какая грудь нравится хоть кому-то? Большая или маленькая? Моя вроде нравилась... Иначе не дразнил бы! Для меня действия Галиба ощущались всепоглощающей мукой. Я текла от него и блаженно изнемогала. Сосать соски, играть со мной часами ему было по душе.

Он вёл меня после ласк в людное место и смотрел, улыбаясь на то, как я краснею и пылаю от нестерпимого чувства напряжения. Ему нравилась тайная наэлектризованность между нами. Каждое движение в теле, блеск в глазах вызывал во мне дополнительную взволнованность от его настойчивых прикосновений. Мягкие томительные волны текли по сознанию, выключая любые здравые мысли. Трусики от его манипуляций становились непристойно мокрыми.

С Галибом я всё время ходила такая. Ему нравилось проверять сей факт на людях. Как бы случайно. Я же пылала... даже от воспоминаний. Они вызывают у меня улыбку.

Конечно, в чужом доме лежать перед горящим камином во тьме, полуголой, вроде бы как не стоит. Ведь сюда может войти кто угодно. Но кто? В доме никого. Я одна. Какой мужчина не мечтает, придя домой, застать подружку голой и мокрой? Пустые мечты!

– Да, идите вы все, – шепчу я, соскальзывая руками с сосков под юбку и под кружевные трусики. Развожу колени как можно шире, чтобы почувствовать дыхание огня и согреться. Поглаживаю себя пальцами вверх и вниз, наслаждаясь скользящими движениями. Я уже влажная, и мешающая ластовица усиливает ожидание и давление пальцев в этом невинном утешении. Прижимаюсь к чувствительному клитору чуть интенсивнее при каждом заходе. Игра меняет моё дыхание на более учащённое.

Когда Марс позвонил и пригласил в поездку, я отчаянно захотела поехать. Ну и что, что трое. Они друзья и родственники. Рассказывать об этом родителям я не собираюсь.

Солгала, что поехала на выходные к родителям Кати. Я ее также часто прикрываю. Страшно представить, как бы они отреагировали. Представляю: «Паааап, мне позвонил дядя Галиба и зовет в поездку на охоту с ним и еще одним его другом. Стрелять я, конечно, не умею. Но так сильно хочу Галиба, что мне проще застрелиться, чем не поехать».

И в этом звонке крылась деталь, которую прежде я пропустила. Я же изначально смутилась. Звонит почти незнакомый мужчина, да, родственник парня, и все же я предложила поехать с девчонками. Я не знала, согласятся ли Катя с Женей, но предположила, что они поддержат.

Он отказал.

Вежливо и тактично сослался на отсутствие мест в машине. А уследить за Галибом и мной с оружием проще, чем еще за двумя девушками. К тому же, сказал он, это прекрасный повод во всем разобраться. Я не поняла, что он имел в виду. Разобраться с кем или чем? Он же не мог знать о наших с ним проблемах. Или мог?

И зачем в поездке Александр? Я видела его уже несколько раз. Он подвозил и забирал Галиба из общаги, когда тот ездил домой. Кажется, кто-то говорил, что Алексу кто-то нравится из университетских девчонок. Вот он тут и крутится.

У них случилось что-то типа ссоры, и он принял приглашение Галиба провести выходные за городом. Похоже, у Галиба территориальное расстояние было лекарством от всех бед. Чуть какая проблема — он увеличивал с людьми дистанцию.

Отношения между ними тремя хорошие, никто не возражал против присутствия другого. Но, выходит, кроме Галиба, относительно меня. Он же ни намеком не дал понять, что я в этой поездке не нужна. Почему?

Где логика?

Если Галиб не хочет меня больше, то мог бы намекнуть. Он же ничем не дал понять это. Наоборот, спрашивал и переживал, достаточно ли у меня теплых вещей. Весна весной, но за городом всегда на 5–7 градусов холоднее и более сыро. Похоже, он всего лишь поддержал инициативу дяди.

Второй момент с Марсом был еще более странным. Он попросил показать теплые вещи. Такой папочка, инспектирующий ребенка, все ли он взял с собой. Я чуть со стыда не сгорела, когда открыла сумку и обнаружила, что вместе с моими свитерами и джинсами Катя подложила мне большую свинью!

Два комплекта невероятно роскошного и развратного белья и чулок. Все в кружевах, веревочках, белое и красное. Я ошалело подняла взгляд на мужчину, берущего выпавшие тряпочки, и покраснела.

— М-м-м, лучше белый. С красным ты точно будешь сли-

ваться, — пошутил он, чуть усмехнувшись, пока я умираю от замешательства. — Смотрю, у тебя большие планы на эту поездку, детка?

Его задумчивый взгляд и шутливость еще больше меня расстроили. Теперь он в курсе, чем я планирую заниматься в ЕГО доме с ЕГО племянником.

— Это не мое, — слова звучали ужасно, как идиотское «Дорогая, ты не то подумала», полная беспомощность с постыдной слабостью сковали все тело.

Марс потащил комплекты из пакета и, развернув на пальцах, смотрел на них слишком пристально и внимательно. Он как будто застыл, изучая их, прежде чем жгучий стыд с запоздалым возмущением заставили меня действовать.

Я буквально вырвала белье, убирая его за спину. Наши глаза встретились, и в выражении его глаз проявилось нечто, похожее на сарказм или пренебрежение. Я не уверена до сих пор, что именно это было.

— Определенно, вещами ты запаслась, — он резко выпрямился и, больше ничего не сказав, покинул помещение. — Жду тебя в машине.

Потому когда он начал мило вести беседу по дороге и в целом дал понять, что инцидент исчерпан, я не могла не думать о случившемся и о нем.

Глава 12

По дороге вчера я убеждала себя, что в машине сидят взрослые люди. Марс знает, что я девушка Галиба, и потому нечего переживать, кто что видел. От неловкости внутри всё сжимается, особенно когда я ловлю на себе взгляды Марса. Он шутил, но был чем-то рассержен. Недовольные взгляды в основном доставались дороге, но в возникающих паузах он поджимал губы, сводил брови на переносице и постукивал пальцами по рулю, словно всё время анализировал. Возникало чувство, будто он пожалел о приглашении, особенно когда увидел бельё. Он так на него смотрел... Может, дело в Галибе? Мне казалось, он хотел помочь. Разве нет? Может, у них разногласия, и меня пригласили в качестве отвлекающего элемента или жеста доброй воли? Я запуталась в сплошных неизвестных и его хмурых взглядах. Но какова бы ни была причина напряжения, вчера, когда на кухне он же подошёл ко мне, всё не завершилось одним лапаньем...

Сердце лупило в груди так, словно я спринт пробежала. Не каждый день, и тем более плохо знакомые мужчины, прикасаются ко мне.

- Она у тебя упругая, - Марс не сдвинулся с места, пока я, сузив глаза, тревожно слушала звуки удаляющихся шагов

Алекса.

Черт! Мне нужно как-то выйти из этой неловкой ситуации. Я повернулась к столу, ища глазами, за что зацепиться. Всё убрано. Посуда в посудомойке, поверхность вытерта, стоит только бутылка вина и пара чистых бокалов. Я взрослая или нет? Тянусь рукой и беру бутылку. За ужином стало ясно, что это красное достаточно обманчивое. С виду лёгкое, а в голову даёт отменно. Хватит и пары глотков, чтобы стало хорошо.

- Спасибо за комплимент, - отвечаю глухо, полагая, что взрослая женщина не смутилась бы подобных слов. – Хочешь?

Лучше пусть его руки будут заняты, чем изучают мою «упругость». Бутылка стоит чуть дальше вытянутой руки, наклоняюсь, немного отступаю от мужчины. Неудобно. Теряю равновесие, чуть кренюсь вперёд. Его рука тяжело опускается на мою талию.

Ох, черт-черт-черт...

– Осторожнее, Вера, – выговаривает он, и уже не придерживает, а плотно скользит по мне пальцами, выбивая из легких воздух. – Оно с моих виноградников. И довольно крепкое. Хотя ты практически не пила за ужином. Может, стоит тебе присесть? Ты немного волнуешься.

А, вот и нет... не волнуюсь. Я немного нервничаю! Я в ауте, в ахтунге и в нокауте!

У меня нет подобного опыта.

Не знаю, как реагировать.

Закатить скандал?

Разораться? Но он пока ничего ровным счетом не сделал.

Что делать? А?

– Я в норме, – отзываюсь сухо.

Просто меня никогда не трогал взрослый красивый мужчина – вот так. Марс достаточно приятен, и он слишком близок, и восхитительно уверен в себе.

От этого кружится голова.

Мне всегда нравилась чужая самоуверенность. В ней есть неотразимая привлекательность. И в нем она тоже есть.

Логика подсказывает, что я себя веду неправильно.

Восстанавливая равновесие, я склоняюсь к нему, чтобы сильнее ощутить запах. Он реально классно пахнет. Проносится мысль, что такой же парфюм я хочу подарить Галибу на день рождения.

Марс воспринимает это как должное и притягивает ближе.

– Детка, – произносит как-то хрипло.

Сознание пронизывает страх – нас могут увидеть.

Украдкой я смотрю по сторонам, боясь обнаружить за столом Галиба или Алекса. О господи, как я потом это буду объяснять?

Я в объятьях другого!

В потрясении я оборачиваюсь к Марсу с его завораживающими карими глазами, чувствую, как от него катит волна

потрясающей харизмы. Неужели этому учат в бизнес-школах?

Слабость окутывает против воли.

Ноги не держат, я слегка пошатываюсь, желая высвободиться и не упасть.

Что он творит?

Что!

Крупные горячие руки скользят по моей талии вниз на ягодицы.

Он обхватывает их целиком. Сжимает.

Пальцы оказываются между ягодиц.

Я охаю и вспыхиваю.

Аут!

Мне требуется таймаут!!!

– У тебя классная задница, – смотрит почти хищно, не отрывая порочного взгляда от моих глаз.

Как он может говорить такие вещи!?

– Да, Галибу повезло, – отзываюсь, почти с осуждением.

Теряю ровность в дыхании.

– Чертовки, – его согласие не препятствует его рукам сжимать мою попу дальше.

– Отпусти. Пожалуйста.

Дергаюсь, пытаюсь отстраниться, толкаю его руками в грудь. С таким же эффектом можно толкать бульдозер.

Упираюсь ладонями в свитер, оттискиваясь от него.

Дрожь пробивает все тело.

Колени ослабли.

Голова кружится.

И, боже мой, это не мешает мне наслаждаться ощущениями от его настойчивых поглаживаний и ласк.

Он делает все непомерно приятно.

Я пьянею от всего разом.

Натиск, тонкое осознание того, что тебя хотят, ласкают...

После полного безразличия Галиба все это непозволительно льстит.

Соблазняет. И какая-то часть меня хочет этого.

Я желаю...

Сглатываю.

Одной рукой он гладит мне бедро, второй забрался под подол юбки и трогает, грубо касаясь обнаженной кожи.

Черт, я же в ненавистных стрингах для Галиба. Нет более простого способа обеспечить мужчине доступ, чем надеть трусики, которые таковыми не являются. Одно название.

Ему нравится.

Он гладит обнаженные ягодицы, проводит пальцами, изучая округлости, пока я изображаю задыхающегося оленя при виде фар.

Видимо, Бэмби.

Глаза круглые, веду себя как тормоз и не могу ошеломленно выдохнуть от чужой наглости. Ну напор мне нравится.

И он сам мне нравится. Я не могу себе лгать.

– Хочу, чтобы ты сняла трусики, – это был выстрел в голову оленя.

– Что-о-о!!!?

На его твердых губах проскальзывает потрясающая улыбка. В глазах столько... не знаю... опьянения.

Может, он много выпил?

Пьян?

Делаю попытку вспомнить, сколько он выпил вина за ужином.

Считаю в уме бокалы.

Один, ноль...

Пальцы касаются моей промежности между ног и ласково гладят стринги.

Мозолистая рука Марса ложится на обнаженную самую интимную мою часть.

Нежные, идеально выбритые губки.

Ощущения от его прикосновений прекрасны, восхитительны.

Они медовые...

С ума сойти!

Где он научился так вести себя?

Я просто таю от того, что он творит.

– Галиб мой парень, – выдыхаю, борясь с головокружением.

– И мой племянник. Споёмся, Вера.

У меня нет ни сил, ни желания возмущаться.

В этот самый момент мне хорошо и горячо. Очень жарко.
Я считаю число повторений прикосновений его пальцев к моим губкам.

Уже несколько десятков раз.

Непозволительные скольжения.

Они немеют от них, и все тело накрывает истома. Подушечки его пальцев гладят, ласкают и трут меня. Мы оба тяжело дышим.

Неправоммерно приятные ощущения.

В животе и в киске все горит и бешено натянуто.

– Сними их с себя, – тихо велит он, продолжая трогать меня. – Покажи мне свою попку.

А ничего, что сюда может войти кто угодно. Мы стоим на кухне, а не в запертой комнате.

Мое дыхание частое.

Пульс ускорен.

Мышцы напряжены.

И я ловлю себя на том, что киваю ему.

Мама дорогая...

Я кивнула ему!

Марс приподнимает на ягодицах часть моей короткой юбки.

Каждое его движение, как острое взмывание в воздух.

Оно щекотно и пикантно.

А затем с внезапным рыком он оттягивает резинку.

Резко рвет ее.

От этой силы натяжения, от наклона, я падаю.

Он мгновенно перехватывает меня руками между бедер, обжигает молниеносным владением, удерживает на месте.

Громко ахаю.

Он совсем не в себе!? Упырь!!!

Он рычит, наклоня меня.

Все происходит быстро.

Боже, я ошеломлена силой его намерений настолько, что даже не могу отреагировать. Голые ягодички выставлены на показ.

Юбку он задрал и жестко удерживает.

В то время как другой рукой пальцами он раздвинул мои внутренние губы и замер. Смотрит, не отрываясь.

Все вместе выбивает почву из-под ног.

И взвинчивает...

Сердце колотится сильнее некуда.

Я дергаюсь в попытке выскользнуть.

Бесполезно.

Он жестко, как юбку, фиксирует и меня.

– Замри, – приказывает рыком. – Ты же не хочешь, чтобы нас услышали?

Черт, он прав. Только не в таком виде.

Я послушно замираю. Ни одной мысли в голове.

Он никуда не торопится. Смотрит на ягодички и на киску.

Мне нечем дышать.

Нежно прикасается к моим губам пальцами. Словно хочет

приручить их. Бережно ведет вверх и вниз. Ощутимо дергая в движении туда-сюда.

Мое тело начинает кричать о продолжении.

То, что мы делаем, оно невероятно пронизывающее, красноречиво неприличное. Боже! Боже! Ты ничего не видел...

Его палец гладит меня, толкается весомо, властно гуляет между губок, не проникая в глубину.

Я теку, захлебываюсь от острых, новых ощущений.

Меня никто никогда не трогал там. Даже Галиб.

– Развернись, – велит он, отпуская. – Хочу посмотреть на нее. И поцеловать.

Что-то подсказывает, он говорит не о моем лице и не о поцелуях в губы. И как только он вынимает свой мокрый палец из меня, я тут же вскакиваю свободная и в развороте шлепаю ладонью по его лицу.

Отхожу от него, пока он сердится, но не двигается. Просто стоит и молча испепеляет меня. Запыхавшись, я одергиваю юбку.

– Никогда больше, – шиплю, ощущая внутреннее душевное противоречие.

Я лгунья. Мне понравилось то, что он делал. Но он не тот, кто должен это делать. Я разворачиваюсь и иду в спальню.

И когда я там оказываюсь, то не вижу вещей Галиба.

Их нет.

Звоню на сотовый, но связь здесь отстой. А затем узнаю, что мы спим раздельно. Ужас-ужас-ужас. Галибу я не могу

рассказать. Связи толком нет, интернета тоже, и даже такси не вызовешь.

Глава 13

Ночь проходит спокойно, а утром я нахожу лишь записку на кухонном столе. Целый день в одиночестве наводит на мысли, что никому я и вовсе не нужна. Зачем приехала? И мало того, что давно стемнело и довольно жутко, так еще с улицы за пределами дома слышны ненормальные звуки. Может быть, это ветер или падающие с крыши сосульки, или снег. Страшновато...

Я замираю, прислушиваясь. Слышу уютное потрескивание поленьев в камине. Решаю, что это все воображение, и снова расслабляюсь. Пальцы продолжают игру с киской, каждый раз наталкиваясь на ластовицу. Стринги — самое ужасное белье на свете. Сдвигаю негодницу в бок, теперь лобок частично обнажен. И все приятно.

Мысли текут в сторону дальнейшего поведения с Марсом. И как быть? Как теперь вести себя? Прятаться в комнате? Хороший выход, но ведь есть приемы пищи. Значит, не выход. Срочно сделать вид, что приболела? Привлечет внимание. Не пойдет. Остается сделать вид, что ничего не было между нами вчера. Лицо кирпичом, смущение в зад, хвостик по ветру.

Удивительное дело, когда человек прикасается сам к себе, невозможно добиться того же эффекта, как от прикосновения другого. Особенно мужских рук. Пальцы Марса обжигали меня, оставляли следы на коже, воздействовали как электрический провод. Я глажу себя сильнее, упорнее, но не могу обрести даже сотой доли удовольствия от своих касаний, как от его вчерашних. Не особо помогают закрытые глаза и фантазии. Я покусываю губы. Замираю, стараясь прочувствовать. Даже ощущаю чье-то присутствие, как будто кто-то нависает надо мной. Наблюдает поблизости.

С Марсом все непросто. Он сводный брат отца Галиба. У них общий отец. Перед поездкой я погуглила о нем. Биография вроде обычная. В одной из журнальных статей раскопали историю о том, что его не признал отец. Детство прошло в нужде. Он рано потерял мать. Несчастный случай на пешеходном переходе, в день его рождения. С тех пор не празднует. Только благодаря спортивной стипендии он получил образование. А потом Катя (и откуда знает, редиска, так и не раскололась) рассказала, что Галиб любит дядю, но побаивается. Может, в этом причина того, что он не стал возражать против поездки.

Она рассказала, что Марс так ненавидел отца, что разорил его и «достал» до инфаркта. Отца Галиба он не стал до-

водить до банкротства, но принудил к слиянию. Сам держит в руках основной пакет акций. Его ненавидит все семейство Мактумов, за исключением племянника. В общем, он непростой человек. И с ним стоит вести себя осторожнее. Мне ли не знать. Вчерашний напор, настрой, как локомотив на скорости. Приятный локомотив. Я раздвинула ноги шире, водя пальцами, ныряя кончиками в узкую щелочку. Внутри влажно, скольжение обратно позволяет размазывать смазку по всему лону, изнеженно задевая клитор. А после, любая девочка знает, как сделать себе хорошо. Два пальца по обе стороны от него, и задыхаясь от нарастающего растирания туда-сюда, жмешь на волшебную кнопку. Когда она сработает, неизвестно. Но когда случится, я кончу, выдохну беззвучно от удовольствия, особо не палясь, как часто представляют парни. Вот бы все вопили от экстаза. Любой дурак бы знал, чем занимаются девочки в спальнях.

Я одна, потому выдыхаю более шумно, чем обычно, двигаю рукой и бедрами смелее, чем всегда. Вчерашние события работают как триггер, как вдохновение. Становится хорошо. И все-таки что-то мешает. Ощущение, что за мной наблюдают, и если не отмахиваться... Наблюдают... точно! Я распахнула глаза.

О, боже...

Марс.

Он стоит прямо надо мной.

Шок накатывает ударом под дых. Я одергиваю руку и махом опускаю юбку на лобок, пряча место "криминала".

Я вспыхиваю от неловкости.

Щеки горят. Волна жара под чужим пристальным взглядом действует как удавка. Жжет невыносимым стыдом!

Дыхание перехватывает, и меня заливают краской.

Захватывает дух от его убийственного взгляда.

От смущения я облизываю губы, чувствую, как потею. Сглатываю, ощущая непереносимую сухость во рту.

— Не останавливайся.

Это все, что он мне сказал...

Черт возьми! У меня мысли скачут от потрясения, как обезьяны с гранатами.

А он стоит надо мной, пожирает глазами, на губах кривая полуулыбка-усмешка... и часто дышит. Хм?

И просит не останавливаться?!

И, о ужас! Он один? Один?

— Вы вернулись? — спрашиваю я или утверждаю, лишь бы заполнить паузу.

Резко сажусь на попу и лихорадочно ищу других мужчин за спиной.

Сдуваюсь как воздушный шарик от облегчения, выдыхаю шумно.

Позорница!

Мы с ним в библиотеке одни. Смотрю, куда смотрит он.

Моя грудь обнажена. Соски торчат! Краснею дальше неку-

да и поспешно одергиваю футболку вниз резким движением. Хорошо, что мы одни. Хвала небесам! Как я вляпалась?

— Красивая грудь, — он сожалеет?

О чем? Что больше не видит моих сисек. Да, что за спермотоксикоз у этого миллионера? Неужели в нашем краю шлюхи перевелись, раз он ведется на мою среднюю грудь?

— Ты не ответил, — говорю я, вдыхая как следует. — Вы вернулись?

— Нет, не вернулись, — отвечает он, начиная раздеваться.

Снимает с себя темный свитер, под ним оказывается тонкая водолазка, берет ремень и открывает пряжку. В помещении в его одежде и в самом деле легко взмокнуть.

— Как это?

— Они остались в домике лесничего у озера. У нас сломалась машина. Но я же не мог оставить тебя одну.

— Ты прошел весь путь пешком? — хлопаю глазами, насколько я помню, озеро и домик лесничего довольно далеко от дома Марса. — Чтобы не оставлять меня одну?

Пальцы дергают ремень, и он вытаскивает его из пояса.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.